

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЖОНАТАН СВИФТ
ПУТЕШЕСТВИЯ
ГУЛЛИВЕРА

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ
НОЧИ
тт. I, II, III, IV

ФИНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС
КАЛЕВАЛА

ГЕЛИОДОР
ЭФИОПИКА

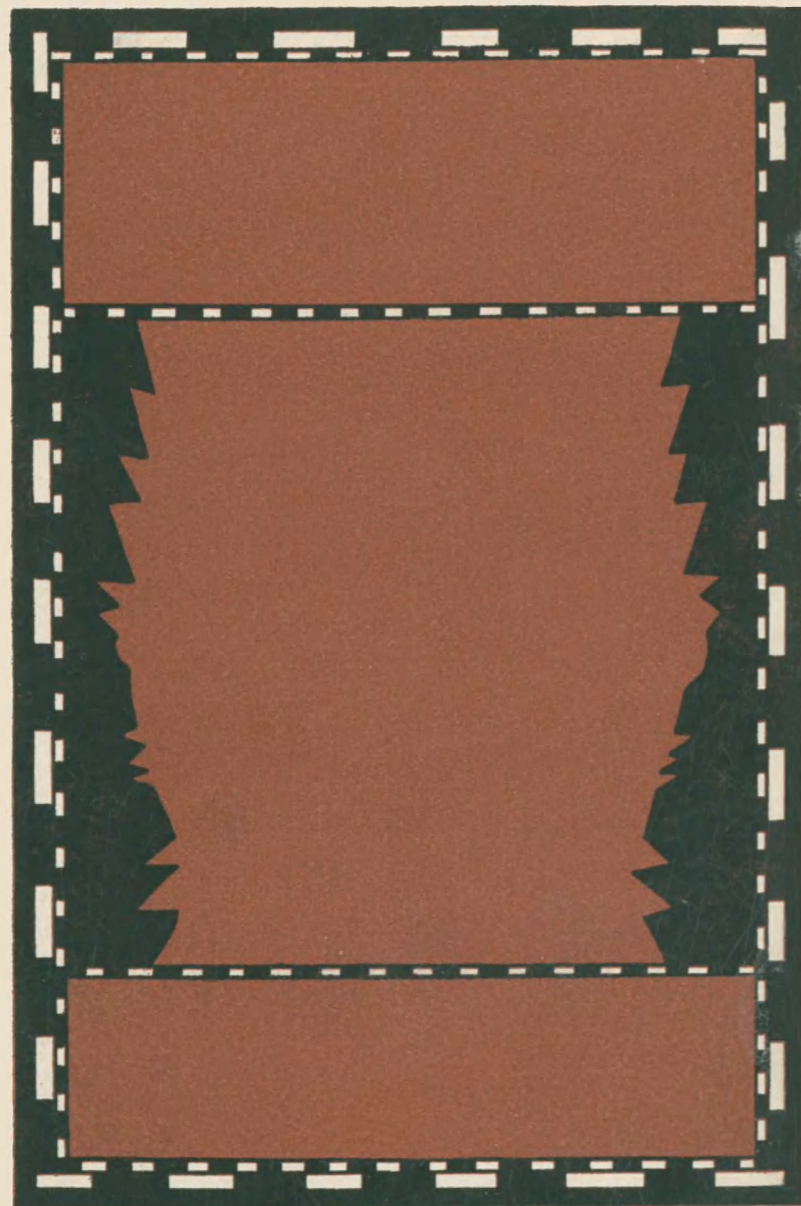
ВЕРГИЛИЙ
ЭНЕИДА

СЕНЕКА
РИМСКИЕ ТРАГЕДИИ

ВЕРГИЛИЙ
БУКОЛИКИ И ГЕОРГИКИ

«А С А Д Е М И А»

Москва, Кузнецкий мост, 7-18
Тел. 4-34-37
Ленинград, Социалистическая, 14
Тел. 1-38-98

Тема о богоборце Амране — „кочующая“ у народов Востока — является предтечей греческого мифа о Прометее, похитителе огня. Кочуя, тема эта всячески вариировалась, в зависимости от того, достоянием каких общественных групп она являлась. Настоящий вариант мифа об Амране — образец народного творчества южных осетин, народа, в течение долгих веков борвшегося с грузинскими феодалами. Включив в себя множество позднейших наслоений, осетинский вариант от начала до конца насыщен идеей борьбы со стихиями, из которых самая страшная — бог, Хцау. Именно поэтому он определенно близок и созвучен нам и имеет все данные для того, чтобы войти в обиход советского читателя.

Цена 4 р.
Переплет 1 р. 50 коп.

ACADEMIA ASPAN

О С Е Т И Н С К И Й

Э П О С

АМРАҢ

ПЕРЕВОД, ОБРАБОТКА И КОММЕНТАРИИ
ДЗАХОГАТУЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ И РЕДАКЦИЯ
АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА

А С А Д Е М И А
19 • МОСКВА — ЛЕНИНГРАД • 32

*Переплет и супер-обложка по рисункам
Н. Теофилактова, рисунки, заставки, концовки
и форзац М. Доброковского*

К ВОПРОСУ О НАРОДНОЙ ОВССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Не скоро обломаешь пережиточное оформление нашего жителя-бытия. Еще труднее сломить старый быт, да и ввевшееся в нашу кровь и плоть отношение к восточным народам, да еще нашей страны, точно дело идет о далеких от нас кельтах, хотя бы об ирландцах. Впрочем, к мертвым кельтам, древним и средневековым, а по связи, лишь по связи с мертвыми, и к живым ирландцам есть некоторый научный интерес даже в обстановке старого научного подхода. А к просто живому народу, хотя бы кельтскому, так например, к бретонцам, если и существует интерес, то только в той установке, по какой их язык имеет значение своим материалом для науки.

А зачем, в самом деле, изучать нам заморских или материковых кельтов? Ведь никому не только неизвестно, но никто и знать не хочет, как новое учение о языке увязывает тех же кельтов со скифами, а скифов с восточной Европой вообще, особенно с финским миром, затем с восточно-славянским, в частности украинским и с Кавказом, именно с его языками яфетической системы, разрыв с которыми у овского языка, неграмотно называемого осетинским, ¹ вовсе не реальность. Это—вклад

¹ Я понимаю, что не так легко менять неправильное, но уже ввевшееся в плоть и кровь оформление племенного названия, но да будет позволено специалисту хоть на протяжении трех-четырех страниц предисловия пользоваться не искаженным термином.

выросшего на работе гуманитарно-построенного в буржуазных странах и единственно строяемого учения о языке. Это оно упорно подменяет доселе филологическими изысканиями подлинно лингвистическую постановку, обществоведческую, исследовательского дела по языкам. Ведь в этой затхлой научной атмосфере беспринципно живут и „творят“ не только языковеды старой господствующей школы, но и историки материальной культуры, не говоря о других обществоведах по специальности. И ни те, кто изучает самих кельтов и скифов, ни те, в области исследования коих ничем не спастись от их требующего учета вторжения, не считаются с тем, что кельты и скифы — социальные типы, различные при одном и том же названии в зависимости от экономической формации не столько различных стран, сколько различных эпох, точнее различных пластов в путях развития не той или иной стабилизовавшейся, отрешенной от жизни культуры, а материальной базы с надстройками по ступеням коренных стадияльных перестроек. Между тем не одни скифы, которые в живых народах не имеются и обычно увязаны в нашем представлении лишь со степными причерноморскими пространствами и с Востоком, Азией, успели вырасти в фантомы единого типа. Не лучше обстоит дело в просвещенной Европе с кельтами, отнюдь не чуждыми и черноморскому бассейну и далее—Востоку, но пережившими на Западе.

Правильно в этом смысле отмечает наш кельтовед А. А. Смирнов в предисловии к русскому переводу ирландских саг, ¹ что по части известности поэтического

¹ „Ирландские саги“. Перевод и комментарии А. А. Смирнова („Сокровища мировой литературы“). Изд. „Academia“, 1929.

творчества кельтов плохо „обстоит дело не только у нас, но и на Западе“. Еще более характерны для положения дела и не менее справедливы следующие слова из того же предисловия: „вообще, если исключить местных любителей из числа самих кельтов, побуждаемых любовью к родной старине и часто недостаточно научно-вооруженных, в Европе и сейчас весьма мало лиц, занимающихся изучением кельтской поэзии“. Обычная судьба в „науке“ всех национальных меньшинств или народов, угнетенных или длительно угнетавшихся великими державами, в числе их и овесского народа. Если кому-либо интересно, в какой степени мало таких лиц с интересом к нацменовским языкам на Западе, притом как те же кельтоведы подходят к своей специальности на том или ином ее участке, подробнее могут осведомиться в работе „Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии“. ¹ Те немногие лица, которые интересуются на Западе кельтскими сагами, да и вообще кельтскими языками, за исключением самих националов, стимулируются в отношении материала прежде всего тем, что и он имеется в средневековой письменной традиции, а исследовательская задача далее сравнительного изучения не идет. Отражение такой исследовательской постановки дела с отведением первого места „народным сказаниям, в частности особенно богатому и содержательному старинному ирландскому эпосу“, т. е. языческому кельтскому эпосу письменной традиции христианского средневековья, находим и у автора цитированного предисловия там, где он говорит „о большой ценности древних ирландских саг — для сравнительного изучения народного творчества“, с упоминанием и присущего им „литературного интереса“.

¹ „Известия Гос. Академии истории материальной культуры“, т. VI, вып. I, 1930.

Если бы подходить по этому шаблону научного интереса к овсской устной литературе, мы имели бы несколько не менее оснований рекомендовать вниманию читателей предлагаемые в русском переводе пережитки эпического сказания об Амиране (или Амране), с той оговоркой, что в тех же и других также целях давно следовало бы ознакомить русских читателей с другим эпическим циклом на овском языке, посвященным нартам.

Сказание об Амиране в овсской версии представляет исключительный интерес и для сравнительного изучения. Сравнение требуется и можно произвести с грузинскими материалами не только фольклорными, но и непосредственно со средневековой героической повестью, известной в Грузии под названием „Амиран Дареджаниани“, т. е. „книга“ или „повесть об Амиране Дареджанис-дзе“. Повесть эта представляет методологический интерес особого порядка по проблеме международного общения. Факт, не подлежащий никакому оспариванию, что в этом памятнике повествовательной литературы имеем в грузинском, национальном по языку, оформлении продукцию с персидской националистической идеологией, с тенденцией поставить героев иранского мира, в числе их на первом месте Амирана Дареджанис-дзе, выше соперников всех других национальностей мусульманского средневековья, не исключая и арабских. С другой стороны, если „Амиран Дареджаниани“ не перевод персидского подлинника, до нас не сохранившегося, то намечается весьма любопытная тема: не есть ли этот памятник произведение грузинской феодальной литературы, плод творчества в той или иной мере соответственной классовой среды, оторвавшейся от низовых народных слоев и разделявшей идеологию соответственного класса

другой страны, вопреки различию не только языка, но и религии. И при такой постановке проблемы тождество имени центрального героя книжной продукции с именем героя народного эпического сказания — Амираана — могло бы быть не случайной встречей созвучных наименований различного происхождения; имя Амиран и в книжной грузинской повести могло быть одним из привнесов тех или иных элементов из эпических сказаний народных низов.

Обращаясь к овсской версии уже устного сказания об Амиране, сравнительное изучение дает вскрыть позднейший в нем вклад литературной продукции. Достаточно при этом отметить смешение имен подлежащих лиц. Так, прозвище Даредзанти, принадлежащее по литературному произведению только Амирану, персу, перенесено на Иамана, араба, в связи с тем, что в народном овсском сказании иные, уже родовые или семейные отношения между героями. Но сравнительный метод здесь совершенно бессилён дать что-либо по генетическому вопросу. Требуется палеонтология сюжета, прослеженная не на одном формальном изучении различных также национальных, но низовых народных версий того же Амираана или его двойников на Кавказе: Абирскиля у абхазов, Мхера у армян. Овсская версия сохранила, по всей видимости, кое-что из древнейших переживаний того же эпического сказания; сам герой представляет в кавказской среде воплощение мифического кавказского же героя Прометей, означающего, как установлено новым учением о языке, „солнце“, буквально „дитя неба“, которому приписывается совершенно естественно изобретение огня. Овским языком и его устной литературой занимаются сравнительно давно; существует литература и по издаваемому эпическому сказанию. Но овсский язык, да и

овская устная литература заслуживают внимания не только потому, что тут прекрасный материал для исследования ученых специалистов.

Такая постановка дела в советской стране никуда не годится. В нашем Союзе ни один народ не может быть лишь объектом экспериментов, хотя бы научных. Каждый народ призван быть субъектом, независимым работником по научному исследованию своих культурных достижений в целях их продвижения вперед в уровень с общим социалистическим строительством.

Но есть еще другая сторона дела, для нас сейчас наиболее важная. Это—то, что стыдно численностью и культурой выше стоящему народу, русскому, не знать литературных памятников народа своего же Союза. В этом отношении русский перевод Дзахо Гатуева, весьма искусно и добросовестно справившегося с своей литературной задачей, дает все, что при существующих условиях можно требовать от переводчика с овского языка. И нельзя не благодарить за этот прекрасный почин издательство „Academia“.

Н. Марр

Москва

Ноябрь 1929 г.

„ДАРЕДЗАНОВСКИЕ“ СКАЗАНИЯ У ОСЕТИН

Осетинские сказания о героях Даредзановых (Дз. Гагуев озаглавил свой перевод по имени главного героя Амрана, или Амираана) не принадлежат к числу тех произведений народного творчества, происхождение которых окутано тайной. Без особого труда они расчленяются на ряд склеенных между собой первоначально независимых повествований и эпизодов, которые восходят к нескольким отдельным хорошо известным эпическим циклам. Мы укажем здесь основные источники:

1) средневековая грузинская героическая повесть „Амиран-Дареджаниани“;

2) иранские сказания о Рустеме, Зорабе и Бижене, получившие широкую известность благодаря Шах-Намэ Фирдоуси и проникшие через посредство Грузии в Осетию;

3) северо-кавказский „нартовский“ эпос;

4) имеющий мировое распространение миф о богоборце-Прометее.

Грузинский фантастическо-героический роман „Амиран-Дареджаниани“ был написан, как полагают, в конце XI или в начале XII века и представляет, повидимому, вольный перевод из персидского богатырско-сказочного сборника „Кисай-Хамза“, в полном виде до нас не дошедшего.¹

¹ См. Н. Я. Марр, Возникновение и расцвет древнегрузинской светской литературы, Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь 1899 г., стр. 246—250. Проф. К. Кекелидзе, „История грузинской литературы“ (на грузинском языке, В. А.), т. II, стр. 44—63. Пересказ романа по-русски

Отдельные эпизоды романа давно перешли, уже на грузинской почве, в народ и, перемешавшись с другими бытующими в нем сказочными и героическими сюжетами, дали многочисленные версии устного, народного „Дареджаниани“, всегда, впрочем, восходящие в основном к писаному роману.

Осетинские сказания об Амيرانе примыкают непосредственно к народно-грузинским, в особенности сванским и пшавским версиям и разделяют все их особенности, а именно:

1) из многочисленных героев писаной повести в народных версиях облюбваны трое: Амиран, Бадри и Усиб (последний в осетинских версиях называется также Усаби, Мысырби или Руси);

2) эти три героя, к которым присоединяются иногда герой Шах-Намэ, Ростом (Рустем), Бежан (Бижен) и Зораб, поставлены, вопреки литературному источнику, в родственные между собой отношения, как три брата или дядя и племянники; фамилия „Дареджанов“, которая в повести относится к одному Амيرانу, в народных версиях распространена на всех героев, которые рассматриваются, таким образом, как члены одного рода; имя „Иаман“ (осет. „Ямон“), которое в повести сопутствует имени Бадри и указывает на иеменское, т. е. арабское происхождение этого героя, становится в народных вер-

у А. Г р е н а: „Грузинская повесть об Амيرانе“, Ж. М. Н. Просв., март 1895 г., а также у А. Х а х а н о в а: „Очерки по истории грузинской словесности“. О персидском происхождении романа см. Н. Я. М а р р, „Персидская национальная тенденция в грузинском романе Амيران Дареджаниани“, Ж. М. Н. Просв., июнь 1895 г., стр. 352—365, и его же, „Из книги царевича Баграта о грузинских переводах духовных сочинений и героической повести Дареджаниани“, Изв. Ак. Наук, 1899, т. X, № 2.

сиях собственным именем отца наших героев, кроме тех вариантов, где отцом оказывается Ростом;

3) сказания о Дареджановых контаминуются с давно обращающимися на Кавказе иранскими сказаниями о Рустеме, Бижене и Зорабе, причем эти герои приобщаются все к тому же богатырскому роду Дареджановых;

4) в народные сказания об Амيرانе проникает совершенно чуждый литературному „Дареджаниани“ мотив богоборчества, который на деле несравненно древнее не только романа, но также иранского и вообще какого бы то ни было национального эпоса; произвол народной фантазии подвергает героя писаного романа, Амيرانа, чудесной метаморфозе, превращая его из придворного рыцаря багдадского халифа в титана Прометея.

Таковы черты, общие у осетинских версий с народно-грузинскими. Чисто осетинским вкладом в Дареджановский цикл являются те эпизоды и детали, которые перенесены туда из северо-кавказских сказаний о богатырях нартах.

Из Дареджановских рассказов, переведенных в настоящей книге, большинство восходит через народно-грузинские версии к вышеупомянутому средневековому грузинскому роману.

Таковы: эпизод охоты за златорогой ланью, борьба Амيرانа с черным, белым и красным витязями, рассказ о том, как Амيران был проглочен драконом и потерял растительность на лице — со всеми деталями; эпизоды борьбы с великаном, изрыгающим огонь („огненную цепь“), и с Бак-Бак-дэви, экспедиция за красавицей. Роль священника в нашем рассказе напоминает по своей неблагоприятности роль дьякона в сванском сказании о Ростоме, где дьякон нарочно проливает живую воду, кото-

рой Ростом рассчитывал воскресить сына. Рассказ о рождении и юности Амирана очень близок, почти тождествен рассказу о рождении и юности Батраза из нартовских сказаний. Гибель Амирана уводит нас в круг кавказско-прометеевских сказаний.

Естественно, возникает вопрос: можно ли говорить об этой пестрой мозаике воспринятых отовсюду, перемешанных и склеенных между собой сюжетов, мотивов и эпизодов, можно ли о ней говорить как о национальном эпосе? Национальный эпос представляем себе как более или менее оригинальное, более или менее *цельное* и *законченное* повествование или цикл повествований, в котором так или иначе, пусть в очень искаженном, уснащенном вымыслами виде, но *отразились действительные исторические судьбы данного народа*. Ничего подобного в осетинском „Амиране“ нет. Фантастический, чудесный элемент, который в национальном эпосе играет обычно подчиненную роль, в „Амиране“ выпирает на первый план, получает самодовлеющее значение, что почти стирает грань между нашим „эпосом“ и произведениями *сказочного* жанра, самого интернационального из всех возможных жанров.

С большим правом, чем об „Амиране“, можно было бы говорить о национальном характере другого эпического цикла, бытующего на осетинской почве, именно так называемых нартовских сказаний, хотя и на них наряду с осетинами имеют основание претендовать некоторые соседящие с ними племена северного Кавказа...

При всем том Даредзановские сказания не лишены интереса с точки зрения познания той общественной среды, в которой они оформлялись как „осетинские“. Эта среда наложила свой отпечаток как на содержание воспринятых извне повествований, так и на их форму. С порази-

тельной наглядностью мы видим в наших сказаниях, как народ, живущий в *родовом* строе, приспосабливает к своему пониманию и потребностям взращенный на почве совершенно иной общественной формации материал.

Цари, халифы и принцы, которыми кишит роман „Амиран Дареджаниани“, изгнаны из осетинских сказаний. Главные герои обращены в членов одной фамилии, одного *рода*, скроенного по образцу осетинских родов; оказывается, что свой мир героев, как и свой мир богов, общество конструирует по своему образу и подобию.

Что касается формы, то здесь родовой быт дает о себе знать суровой сжатостью и лаконизмом выражения, резко расходящимися с пышной цветистостью и многословием персидско-грузинских литературных оригиналов, продуктов высоко развитого феодализма.

Таким образом, не заслуживая в сущности названия осетинского национального эпоса, Дареджановские сказания весьма интересны как оформление в одной среде идеологических продуктов другой.

С этой точки зрения перевод „Амираана“, успешно выполненный Дз. Гатуевым, полностью себя оправдывает.

В. Абаев

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Работая над „Амраном“, я добивался единственного — в полной мере соответствовать текстом перевода суровому величию и сжатости подлинника, созданного в суровом и сжатом быту осетинского народа.

Фантастичность эпоса сжата горными кряжами. Кряжи населены великанами, всегда враждебными вышедшему из моря человеку — Амрану. Человек — сильнейший из сильных. Он борется, используя силу и хитрость. Человек этот обессилел, захотев сделаться собственником (эпизод „Как Амран потерял силу“), и погиб, когда поверил рясоносному служителю культа (эпизод „Как священник обманул Амрана“). С богом вступает в единоборство человек, и в наказание бог посылает на него тюремщиков — святых, заковывающих человека (эпизод „Гибель Амрана“).

Такова гениальнейшая по простоте конструкция сказа, особенно близкого нам, знающим ту единственную в своем роде, удивительную борьбу за существование, которая до 1917 года называлась у горцев жизнью. Если бы варианты эпоса складывались и в наши дни, мы услышали бы от сказителей, как нашел Амран путь к освобождению.

Запись осетинских сказов до революции никогда не велась систематически, как и на всем Востоке. Сюжетную линию настоящей эпопеи составили записи, издан-

ные Юго-осетинским научно-исследовательским институтом краеведения: „2 cinyg Xussar iron adæmy uacystæ“ Сxinval, 1929 г. „Daredzanty Amyrany raigurd“ („Рождение Амрана Даредзанти“), „Daredzanty Amyran æmæ rasuhd Tamar“ („Амран Даредзанти и Красивая Тамара“) и „Амуран æтæ суапон“ („Амран и охотник“) записаны от Дзагко Губати, живущего в сел. Дзамаг. Несколько особый характер имеет четвертый из напечатанных в сборнике сказов о Амране: „Daredzanty Amyran æтæ Æхсон Uæig“ („Амиран Даредзанти и Огнедышащий богатырь“). Он записан со слов Куда Джусолти. В нем имя Амрана эволюционировало в библейско-христианское Абран-Авраам. Сказ этот характерен наслоениями позднейшими. Из него введены в эпопею эпизоды с виноделом и подробности похищения Красивой Тамары, замечательные ролью в них священника.

Записи В. Ф. Миллера (Уч. записки М. У. Отд. Ист. Филолог. В. 1, „Осетинские этюды“) и А. Кайтмазова („Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, в. 7) использованы как вспомогательный материал. Из них взяты эпизоды борьбы Амрана с семью небесными великанами и убийство Амраном Пакондзи.

Работу об Амране я посвящаю моему маленькому — Сослану Гатуеву.

Дзахо Гатуев

АМРАН

РОЖДЕНИЕ

а м р а н а

Из-за семи гор —
Семи перевалов —
Иамон Даредзанти
Жену взял.

Ему близнецов двух родив,
Она умерла.
Дичиной

Отец сыновей своих вскармливал.

На черные горы
Однажды ушел на охоту Иамон.
Убил семирогатого лося —
Скатилась лосиная туша к пещере.
Смеркалось.

Иамон Даредзанти
Животному горло надрезал
И на ночь остался в пещере.

В ночи,
Лишь горные птицы пропели,
Собрался Иамон...
Взглянул и увидел:
Светла ночь,
И светятся горные двери.

Лосиную бросивши тушу,
Смутился Иамон:
„Пошел бы за светом я этим,
Но если зарежут меня там?
Остаться?..
Но что расскажу своим близким
О чуде?

Прослышав, что я,
Иамон Даредзанти,
За чудом пойти побоялся,
Никто никогда мне не даст
На кувде почетную чашу“.

Решился Иамон:
Прошел в дверь горы
И к дому приблизился.
Основа — из меди,
И синие стекла — бока,
И звезды полночные — крыша.
Племянница Хцауа жила в нем,
Марьям.

Спала на кровати из кости,
В витой золоченой корзине
Лежали волнистые косы.
Положены были на них
Булатные ножницы.
В огне

Вертелись шомпуры —
Шипело румяное мясо...

Проснулась Марьям.
Иамона увидя,
С кровати она соскочила,
Схватила Иамона.
— „Иамон Даредзанти,
Тебя я ждала...
Мне только тебя
В мужья взять позволено...
Теперь будем жить
Небесною жизнью“.
Иамон ей ответил:

— „Я дома оставил детей...
Их должен с собой привести я...“

— „Они, если будут здоровы,
Пусть сами отыщут тебя“.

Всю ночь пировали, играли всю ночь.

К рассвету,

Лишь горные птицы пропели,

Поднялся Иамон

И сумку для дичи

На шею повесил.

Сказала племянница Хцауа, Марьям:

— „Куда ты уходишь, Иамон?..“

Тебе наша жизнь не по нраву?“

— „Я должен всегда,

В ночи,

Лишь горные птицы пропели,

Спешить по горам на охоту...“

Иамон

На черную гору взобрался...

Так жили:

С утра на охоте,

А к вечеру туши оленьи

Домой приносил.

Иамона два сына,

Бадри с Мысырби,

Окрепли, питаюсь дичиной:
Росли Даредзанти
На удисн — за день,
За ночь — на улынг.
Стрельбою из лука они забавлялись.
Однажды
Колдуньины дочки
С кувшинами шли за водой.
Бадри
Стрелу в них пустил —
Кувшины разбились.
Вернулись колдуньины дочки и плачут.
Колдунья спросила:
— „Кувшины где ваши?“
— „Пусть
Прольют свои дни:
Иамона два сына
Из лука стрелу в нас пустили —
Кувшины разбились“.
— „Возьмите вторые.
Когда
Опять вас обидят они,
Скажите:
Иамона два сына,
Уж если
Такие стрелки вы,
То вот, ваш отец
С племянницей Хцауа

Небесною жизнью живет,
Его привести вы сумели б!..“

Два брата заплакали:

— „Ведь жив наш отец,

А мы его мертвым считали.

Давай

Колдунье подарим мы деньги,

И, может, она нам расскажет,

Как быть, чтоб вернулся отец“.

Сказали колдунье:

— „Ты дай нам,

Что доброго есть у тебя

От Хцауа...

Скажи,

Как быть, чтоб вернулся отец?“

Колдуньи

Всегда оставались

Несчастьем народу!

Она им сказала:

— „Вы в звездный вечер

Взойдите на черную гору...

Засветятся горные двери —

Там

Отец ваш

С племянницей Хцауа

Небесною жизнью живет.

Вы спрячьтесь снаружи.

В ночи,
Лишь горные птицы проснутся,
Отец ваш пойдет на охоту.
Когда отомкнутся
Большие железные двери,
Вскочите сторонкой,
Отец не заметит“.

Пришли близнецы.

Укрылись.

В ночи,
Лишь горные птицы пропели,
Иамон на охоту собрался,
А мальчики впрыгнули в дом.
Племянница Хцауа, Марьям,
Спала на кровати из кости,
В витой золоченой корзине
Лежали волнистые косы.
Положены были на них
Булатные острые ножницы.

Была ее смерть в волосах.

Марьям

За косы схватил Мысырби,

Бадри ее волосы срезал.

И женщина вскрикнула —

В горах было слышно.

Прыжками

Вернулся Иамон.
Бадри с Мысырби
Оставили женщину,
Домой убежали.

Иамон к себе в дом вошел плача...

— „Что было, Марьям?“

— „В несчастьях

Пусть будут твои близнецы...

Иамон,

Меня твои дети убили...

В моих волосах

Лишь прядь уцелела,

И я проживу до рассвета...

Иамон!

С тобой зачала я ребенка,

И если б его

Своим молоком я вскормила,

Тогда б с ним

Сильнейший из сильных

На суше живущих

Нигде никогда не сравнился

По силе.

Теперь я умру.

Надрежь мой живот и достань

Щипцами железными

Горячего, жгущего мальчика

И в черное море закинь.

И если когда-нибудь
В отцовские руки
Мой мальчик вернется,
Его назови
Амран“.

Когда умерла
Племянница Хцауа,
Иамон

Щипцами железными взял
Горячего, жгущего мальчика
И в черное море забросил.
И море усохло...

Потом схоронил он жену
И к детям вернулся.

— „Зачем вы убили племянницу Хцауа?“

— „Что делать?“

Колдунья нам так приказала...“

Пришел к ней Иамон,

В соломенном пламени сжег ее.

КАК БРАТЯ ВСТРЕТИЛИ

а м р а н а

Иамон постарел,
Не стал выходить на охоту.
Сменили отца сыновья
Бадри с Мысырби.
Однажды пошли
По берегу черного моря
И видят, что мальчик
Морских буйволиц,

Морских лошадей,
Быков
Одной рукой кверху бросает
И ловит другою...

Бадри с Мысырби
Забыли о том,
Что вышли охотиться —
С утра и до ночи
Смотрели на чудо,
А ночью
Вернулись к Иамону с пустыми руками.
Иамон рассердился,
Сказал:
— „В одной вас укрою могиле.
Как вы возвратились без дичи!“
— „Отец наш, сегодня
Забыли мы оба
О том, что охотиться вышли.
На море мы видели чудо:
Сидел в море мальчик
И, в синем дыму синим блеском сверкая,
Играл черным морем“.

Иамон
Из хлева быка приволок и взмолился:
— „О, Хцау,
Бык белый тебе

Пусть жертвою будет:
Тот мальчик — мой сын, твой племянник —
Ко мне пусть придет он“.

Уснули, а утром
Иамон говорит:
— „Возьмите с собой вашу бритву,
Идите на берег.

Там
Бадри Мысырби
Пусть голову бреет.
Когда вас увидит Амран,
Приблизится.

Не бойтесь, но бросьте в него вашу бритву
И, если вам счастье,
То, бритвою раненный,
Не сможет укрыться он в море,
К вам выйдет —
Ко мне приведите“.

Два брата пошли,
У берега сели...
Один брил другого...
Амран

Опять заиграл в черном море.
Когда он увидел двух братьев,
Чудно показалось ему...
А мальчики бросили бритву —
Попали.

Тот море смутил еще раз,
Но в море не мог уже скрыться
И вышел на сушу.

Его испугались,
Бежали два брата...
Позвал их Амран:
— „Не бойтесь, я — Хцауа племянник!“
Застыли два брата...
Спросил их Амран:
— „Чьи дети? Какой вы фамилии?“
— „Наш род — Даредзанти,
Мы — дети Иамона:
Бадри, Мысырби“.
— „И я — сын Иамона
И Хцауа племянник,
Амран“.

Амран, Мысырби и Бадри
Все вместе вернулись к Иамону.
Большой кувд устроил Иамон.
Три мальчика вместе
Ходили на черные горы.
Сильнейший из сильных
На суше живущих
По силе
Нигде, никогда не сравнился
С Амраном.

КАК АМРАН РАНИЛ
ЗОЛОТУЮ ОЛЕНЬ

Когда-то
Одну из невест Даредзанти
Далеко
(За семь перевалов)
Просватали.
Своих
Не видя давно,
Она обернулась

В Олень Золотую,
Пришла
На кряж Даредзанти
И сверху смотрела:
„Родные мои еще живы?“

Три брата —
Амран, Мысырби и Бадри —
На башнях своих отдыхали.
Увидя на кряже
Олень Золотую,
Они
Сказали друг другу:
— „Удачен наш отдых,
Добыча
Сама к нам пришла“.
Три брата
На землю спустились,
Три брата
Подкрались к вершине.

Амран
Спустил тетиву
И ранил
Олень Золотую.
Рассыпалась печень оленья,
Олень убежала.
Амран

Сказал своим братьям:
— „За этой оленью
Я должен пойти“.
Он сунул разбитую печень
В охотничью сумку
И братьям велел:
— „Пойду,
А вы возвращайтесь“.
— „Нет, нет,
Мы оба должны быть с тобою“.

А М Р А Н

и черный всадник

Пошли.
В долине
Стемнело для братьев.
Они прилегли...
Но с черной горы Черный Всадник спускался.
Его чернотой
Темнела долина...
К трем братьям

Приблизился Всадник,
Но фыркала лошадь и прыдала на семь гумен.

И всадник
Хлестал свою лошадь,
Ворча:
— „Прикончит тебя твой хозяин!
Чего ты боишься?
Святые небес — мои братья,
Земные владыки — друзья!
Ведь это
Не дети Иамона
Стоят перед нами...“
Ответил Амран:
— „Мы —
Иамона три сына...
Клянусь...“
Сильнейший из сильных
На суше живущих
По силе
Нигде, никогда не сравнялся
С Амраном.
Он снял великана с седла
И горло
Ему разорвал.
Светлеть начал день —
Пошли.

А М Р А Н

и Белый всадник

Шли день,
Шли ночь.
Опять
Померкло для братьев.
То с белой горы
Скакал Белый Всадник,
И громом
Гремели подковы.

Спросили Бадри с Мысырби:
— „Амран, что за диво?
Спешит богатырь,
И громом гремят
Подковы коня.
Бежать бы,
Ведь он нас до дна уничтожит!“
Ответил Амран:
— „Не бойтесь!“

Приблизился всадник,
Но фыркала лошадь и прядала на семь гумен.
И всадник
Хлестал свою лошадь
Ворча:
— „Кого ты боишься, кого!
Стоит ли внизу
Амран Даредзанти?..“
— „Клянусь я отцами и матерью,
Я—
Амран Даредзанти...“
Сильнейший из сильных
На суше живущих
По силе
Нигде, никогда не сравнялся
С Амраном.
Он снял великана с седла
И горло

Ему разорвал.
Светлеть начал день —
Пошли.

А М Р А Н

и красный всадник

На красной горе
Стемнело для братьев.
К ним Красный
Приблизился Всадник —
Кровавою стала земля.
Бадри говорит:
— „Амран, что за диво?
К нам красный

Спешит великан!“
Подъехать хотел Красный Всадник,
Но фыркала лошадь и прядала на семь гумен.

Ворчал великан:
— „Прикончит тебя твой хозяин...

Не бойся!
Стоит ли на красной горе
Амран Даредзанти?..“

Сильнейший из сильных
На суше живущих
По силе
Нигде, никогда не сравнялся
С Амраном.

Он снял великана с седла:
— „Амран — я, Амран,
Клянусь я отцами и матерью!..

На кряже фамильном
Я ранил Олень Золотую.

Скажи
(Твой дом — наше горе),
Куда убежала она?“

— „Скажу я,
Но ты
Небесный огонь съешь,
Землей поклянишься,
Что
Меня не убьешь“.

Поклялся Аман.
Сказал богатырь:
— „Пойдите отсюда
На кряж перевала...
Смотрите —
Увидите город.
Заметите дом,
Которого первым
Коснется луч солнца.
В том доме —
Олень Золотая“.

ЧТО БЫЛО С ДАРЕДЗАНТИ

В Г О Р О Д Е

Шли долго.
Взошли на вершину,
Смотрели...
Приметили дом,
Которого первым
Луч солнца коснулся...
Спустились и крикнули:
— „Гостей принимайте, хозяйева!..“

Три девушки вышли,
Трех братьев ввели,
В каладжинта их усадили.

Амран
Олень Золотую искал.
Косился в углы — не увидел,
Услышал, что стонут, спросил:
— „Кто это?“
— „Для вас
Мы жертвами будем...
То — мать наша стонет,
Она — Даредзанти.
Своих
Не видя давно,
Она обернулась
В Олень Золотую
И вышла
На кряж Даредзанти.
Какой-то проказник
Стрелюю
Поранил ей печень.
Она умирает...“
Амран
Спросил у хозяек:
— „Спасти ее можно?“
Ответили девушки:
— „Найти бы

Куски ее печени...“

— „Несите!“

Куски ее печени

Амран в ее рану

Вложил

И шелковой лентою вытер.

В семь раз здоровей она встала

И, вставши, спросила:

— „Откуда и кто вы?“

— „Иамона три сына,

Мы — братья твои: Даредзанти“.

От радости

Она то глотала

Трех братьев,

То снова выблевывала...

Спросили они:

— „Сестра,

Был муж у тебя?“

— „Для вас

Я жертвой да буду...“

Был муж у меня —

Он умер от божьей болезни“.

Но братья сказали:

— „Не умер от божьей болезни,

Но кем-то убит он...“

Амран

Пристал, чтоб сказала.

Сказала она:
— „На черной горе
Мой муж семиглавым
Убит великаном...“

Амран
На быстрые ноги вскочил:
— „Кровь нашего зятя
Возьму я...“
Сестра говорит:
— „Тебе
Я жертвой да буду!..
Постой: до сих пор
Сильнейший из сильных
На суше живущих
Не смог одолеть его силой;
Тебя он пожрет...
Но если
Кровь зятя
Не можешь не взять,
То слушай:
Он держит три цепи —
Дерутся они...
К тебе он протянет
Концы, раскаленные до красна.
За них
Не сможешь ты взяться...
С трех буйволов шкуры сдери,

Потом бурдюки
Наполнишь водою,
Придешь к нему, крикнешь:
„Смотри!“
Он выйдет.
Его семь голов
Рассыплют огонь.
Концом раскаленным
Он цепь в тебя бросит.
Воюет она.
Наткнешь на нее
Бурдюк буйволиный,
И твой конец цепи остынет.
Когда ты, быть может,
Порвешь цепь,
Он бросит вторую —
Ее погасишь.
Тогда
Он бросит жестокую цепь.
В борьбе не давай
Ему говорить,
Не то
Тебя заколдует он“.

КАК АМРАН

ПОТЕРЯЛ СИЛУ

Три шкуры
Наполнил Амран ледяною водой.

Понес их.

У черной горы
Двум братьям —
Бадри, Мысырби —
Амран вырыл яму
В двенадцать ивазов:

— „Боюсь я, что ветер
Подхватит и бросит вас,
Когда мы бороться начнем“.

У входа он крикнул:

— „Смотри!“

Вскочил великан,
Горячим концом
Железную цепь
Амрану он бросил.

Амран

Бурдюк буйволиный подставил.

В воде цепь угасла.

Держась за концы,

Три круга они прокружили

И цепь разорвали.

Амран подобрал ее звенья,

Швырнул великану

И крикнул:

— „Скорее

Такую цепь выбрось,

Чтоб я

Добрался к тебе!..“

К Амрану спустилась

Вторая железная цепь.

С утра до утра

Амран с нею дрался —

Куда ступал пяткой, там — яма,
Коленом — гора.
И цепь разорвалась.
Амран подобрал ее звенья,
Швырнул великану
И крикнул:
— „Не зли меня дольше,
Скорее
Цепь выбрось такую,
Чтоб я
Добрался к тебе!“

Тогда великан
Амрану
Жестокою выбросил цепь.
Боролись
Четырнадцать дней и ночей.
Амран
К земле придавил великана,
Мечом
Рубил ему головы.
Тот крикнул:
— „Зачем пропадать
Отарам моим,
Моим табунам...
Кому бы отдать их?..“
— „Скорей говори!..“
Сказал великан:

— „Хранятся в ущельях богатства:

Отары — в одном,

В другом — табуны...

Тандет.

Тундет.

Тарандет.

До тех пор

Пока из земли

Меж Балкой и Кобанем

Тамару Красивую

Амран не добудет,

Пускай потеряет

И силу мизинца“.

Амран

Затрясся всем телом.

Насилу он срезал

Последнюю голову.

Меч выпал —

Вся сила ушла.

ОБЕССИЛЕННЫЙ

а м р а н

Три брата вернулись
К сестре Даредзанти.
Там плакали
Бадри с Мысырби,
Амран же
Был грустный.
Сестре рассказали:
— „Кровь зятя

Мы взяли,
Но силу Амрана
Отнял великан“.

Заплакала тоже сестра:
— „Не верилось мне,
 Что ты
 Его победишь,
Но все же я крикнула вслед:
 В борьбе
 Не дай
 Ему говорить,
 Не то
Тебя заколдует он...“

Амран
Сказал ей:
— „Пусть душу мою
 Не примет земля,
 Но я из земли
Меж Балкой и Кобанем
Тамару Красивую выведу...
 Моя
Живая душа не живет...
 Сестра моих родичей,
 Ты сделай мне в путь
 Такую еду,
Чтоб есть было сладко,

Нести же легко“.
Амрану
Сказали два брата:
— „Из дому
Мы вместе пошли,—
Где ты,
И мы там умрем“.
Сестра Даредзанти
Не спорила
И сделала им на дорогу,
Что нужно на девять лет.
И братья
Ушли.

КАК АМРАН ХОТЕЛ ВЗЯТЬ В ЖЕНЫ
ВДОВУ ВЕЛИКАНОВ

Шли много и вечером
Услышали шум.
Решили три брата:
„Река...
Давайте присядем,
Закусим,
И, если захочется пить,
Вода будет близко“.

Уселись, поели
И пить захотелось.
Амран взял донгарц
И братьев спросил:
— „Кто
Пойдет за водою?“

Пошел Мысырби.
Он с берега
Донгарц спустил в воду,
Наполнил его
И вздумал:
„Я сам пока выпью
И снова наполню“.

Соленой ему показалась вода.
Сказал Мысырби:
— „Что делать теперь?
Нести, но на воду она не похожа,
Оставить — Амран тогда скажет:
К реке подойти побоялся...
Давай понесу“.

Принес.
Дал выпить Амрану.
Амран
Спросил Мысырби:
— „Что это?“
Спокойно сказал Мысырби:

— „Мне тоже почудилось,
Что я
Не воду нашел, а не взять не посмел“.

Амран

Сказал тогда братьям:

— „Пойдем и посмотрим“.

— „Пойдем, но темно

И что мы увидим!“

— „Идемте, и свет я вам сделаю“.

Когда

К реке подошли,

Амран

Ладони потер —

При свете

Увидели братья

И горы и впадины.

Взглянули на воду—

Увидели крови Лиахву.

Амран

Сказал своим братьям:

— „Вы ждите,

А я поднимаюсь по течению,

Узнаю, что это“.

Бадри не советовал:

— „Наверное, там—

Борьба великанов,

Покончат они

С тобой, заколдованным“.

Амран разве не был
Насильником,
Искателем битв?..

Взошел он на черную гору:
Сидит великан.

Копье

Подставив ко лбу, он дремал.

И если

Его голова

Во сне опускалась,

То пика

Колола его,

Шла кровь — великан просыпался,

Оглядывался.

— „Что делаешь ты, великан?

Чего ты себя убиваешь,

Не спится тебе почему?“

— „Пролить бы тебе свои дни,

Э, горная птичка...

Ты — кто?

Ты — что?“

Амран говорит:

— „Ничто я,

Земной человек.

Мне жалко тебя.

Скажи, почему

Так тяжко тебе?
— „Я Бак-бак Гумир.
Никто из людей
Не смел подойти ко мне...
Похитил жену мою Пиллон Гумир...
Должны они выйти
На эту дорогу —
Я жду.

Уснув, я могу не услышать,
Когда они выйдут;
Тогда мой позор
По свету покатится.
Неделю сижу,
Ко сну меня клонит.
Вот в пику уткнулся:
Уколами
Она мне уснуть не дает“.

Амран говорит:
— „Жену твою я как узнаю?“
— „Да если она
Хоть ночью покажется, станет светло“.
— „Тогда ты усни:
Я буду тебя караулить“.
— „Но как ты разбудишь меня?“
— „Я крикну“.
— „Нет, — Бак-бак Гумир говорит, —
Попробуй ты крикнуть сейчас“.

Амран закричал,
И Бак-бак Гумир говорит:
— „От этого я не проснусь“.
— „Встряхну тебя сильно...“
Сказал великан:
— „Попробуй — встряхни“.
Амран со всей силой
Тряхнул великана,
Но сила какая теперь
Была у него?..
— „Так тоже меня не разбудишь...“
— „Как быть?“
Гумир отвечает:
— „Попробуем:
Возьми мою пику
И в бок мой ударь!“
Амран
Взял пику,
Кольнул великана.
И Бак-бак Гумир говорит:
— „Вот так я проснусь...“
Смотри же,
Не суйся в дела мои,
И, если на небе
Появится месяц,
Ударь меня пикой“.
Уснул великан —
Амран сторожил его.

Светло стало в полночь.

Амран великана

Под мышку ударил —

Проснулся Гумир и сказал:

— „Спешит похититель!“

Ногой своей стукнул Гумир

И в яму Амрана забросил.

Сказал:

— „Не думай, что я

Во вред это делаю.

Боюсь, что в борьбе

Тебя схватит ветер“.

Приблизился Пиллон Гумир,

Он вел жену Бак-бак Гумира.

Бак-бак Гумир выскочил —

Схватились:

Три дня и три ночи

Друг друга свалить не могли.

Потом

Друг друга убили —

Осталась без мужа жена.

Амран подскочил,

За шею обнял ее:

— „Красивая,

Назвал тебя Хцау

Моею женой“.

Ответила женщина:

— „Они перебили друг друга...“

Ты вырой могилу,
Чтоб мне схоронить их,
Тогда,
Конечно, я буду твоею“.

Амран
Хотел вырыть яму,
Но сколько ни рыл,
Не в силах был сделать такую,
Чтоб влезло в нее хоть одно
Бедро мертвецов.
Сердитая женщина
Топнула ногою
И в черную яму
Мужей своих рядышком бросила.
Потом
Схватила копье,
Меж мясом и кожей
Пробила Амрана,
Как флаг,
Воткнула его в изголовьи мужей,
Сама
Умчалась на родину...

Э, бедный Амран,
Чем был ты,
Что случилось с тобой!..

АМРАН И СТАРУХА

ВЫШЕДШАЯ ИЗ ЗЕМЛИ

Амран
Два года торчал на копье.
Когда сгнила кожа,
Упал он
И к братьям
Шатаясь пришел.
Бадри с Мысырби
Сказали Амрану:

— „Пусть Хцау
Нам даст свою милость,
Но если решили,
Тогда
Пойдем по следам нашей цели,
Нет —
Вернемся назад“.
Пошли.

Амран
Вздохнул на холму
И сказал:
— „Нана, я устал!“
Тогда из земли вышла старая —
Одна челюсть в небо,
Другая — под небо...
Она
Сказала Амрану:
— „Э, горная птичка...
Ты счастлив:
Ты матерью
Меня называл,
Иначе я смазала б
Чувяки свои твоим соком...
Куда вы идете?“

— „Отец наш —
Иамон Даредзанти...“

В земле
Меж Балкой и Кобанем
Живет
Тамара Красивая...
Вернется ко мне моя сила,
Когда я возьму
Тамару Красивую“.

Сказала старуха:
— „Но если
На вас нет дыхания Хцауа,
Вам лучше
Туда не итти“.

Амран ей ответил:
— „Я — Хцауа племянник“

— „Вам надо
К Тамаре Красивой
Итти через черное море.

В пути
На страже стоят
Три змея.
Они вас не пустят —
Проглотят“.

Амран
Спросил у старухи,
Что делать.

— „Молитесь!
И если на вас есть дыхание Хцауа,

Тогда мои груди
Дадут молока
Три полных наперстка“.
Взмолился Амран:
— „Хцау Хцаути,
Меня сотворивший,
Ты сделай, чтоб вытекли
Для нас молока три наперстка
Из вымени старой“.
Они подоили старуху,
Собрали три полных наперстка.
— „Возьмите,
Трем змеям положите“.
Три брата
С собой молоко понесли
И змеям подставили.

КАК ЗМЕЙ ПРОГЛОТИЛ

а м р а н а

Вот змеи проснулись,
Сползли к молоку
И выпили.
Потом
Заснули опять.

Амран крикнул братьям:
— „Теперь торопитесь!

Бадри
Погнал свою лошадь,
Прошел Мысырби,
Собрался Амран,
Но Черный Змей встал
И съел его.
В змеиных кишках
Забегал Амран.
И Змей
Кружился ворча:
— „Смотрите,
Поел комара,
А он
Танцует в моем животе.
Что делать?“

Амран
Из брюха змеиного
Спросил своих братьев:
— „Что делать?“
Бадри закричал:
— „Амран, не забудь,
Что носят на поясе
Ножи
Все люди из нашей фамилии“.
Амран достал нож
И резал змеиное брюхо.
Кружился Змей Черный:

— „Амран не убей, а я тебя выблюю“.

— „Чтоб звали меня
Твоею блевотиной!

Я сам

Дорогу найду,

Чтоб выйти“.

Он змея убил

И в пах его вышел...

От яда

Повылезли в брюхе змеином

Амрана

Ресницы и волосы.

Бадри с Мысырби,

Его не узнав,

Хотели бежать.

Амран закричал:

— „Не бойтесь: я — брат ваш“.

Бадри говорит:

— „Теперь ты —

Как душеноситель...

Невеста твоя согласится ль

Пойти за тебя?“

Из шкур

Собрали шалаш

И жили,

Пока отросли

Амрана
Ресницы, усы, борода
И волосы.
Оттуда опять
Пошли.

ДАРЕДЗАНТИ

И К О С Т Я К

Амран, Бадри, Мысырби
Шли ночью по гладкому полю,
И каждый держал
Копье на плече.
Амран острием своего
Задел что-то твердое
И братьям сказал:
— „Как будто

Копью зацепиться
Здесь не за что...
Опять нам откроется
Какое-то чудо.
При свете
Я должен увидеть его".
Амран разве не был
Насильником,
Искателем битв...

Остались.
А утром увидели,
Что три человека,
Три лошади
Прошли
В берцовую кость.
Три брата ходили,
Смотрели
И чуду дивились:
Кто мог бы иметь
Такую берцовую кость!

Амран был из племени Хцауа...
Взмолился:
— „Хцау Хцаути,
Меня сотворивший!
Пусть
Воскреснет костяк“.

Пока он молился,
Бадри приговаривал:
— „Хромым и слепым пусть,
Хромым и слепым!..“

Тогда загремел мир,
И встал
Слепой богатырь.
Услышав шаги Даредзанти,
Спросил он:
— „Кто вы?.. Покажите себя!“
Взмолился Амран:
— „Хцау Хцаути!
Ты сделай,
Чтоб он
Смотрел одним глазом“.

Открыл один глаз богатырь — удивился
— „При мне
Мир не был таким!“
Заметил трех братьев —
Спросил богатырь:
— „Какие вы мелкие... Кто вы,
Какой вы породы?“
Ответил Амран:
— „Мы люди...
Мы думали,
Что нет нас крупнее...“

— „О, бедные, бедные,
От вас
Какие еще пойдут люди?..
Зачем
Вас Хцау сотворил?..
Подайте мне вашу
Дорожную пищу,
Взгляну,
Какая она“.
Бадри посоветовал:
— „Амран,
Чурек не давай:
В руках у него
Исчезнет лепешка —
Прикатим к нему речной камень“.

Поднял богатырь речной камень,
Размял в двух ладонях:
— „О, бедные, чем вы живете?
Ведь масла нет в вашей еде:
Поэтому вы и мельчаете...
Дай руку — взгляну“.
Амран
Чуть было не дал ему руку.
Бадри посоветовал:
— „Смотри, изомнет —
Дадим ему дерево“.
Три брата

Подали ему одно дерево.
Сказал богатырь,
Когда оно треснуло:
— „О, бедные, в ваших костях
Нет мозга.
Возьмите теперь
В древесном дупле мою пищу“.

Достали в дупле его пищу
И дали ему.
Тогда богатырь
Сказал:
„Смотрите, как выжметса масло
Из этой еды“.
Три брата увидели,
Как сжал богатырь свою пищу,
Как вытекло масла две мерки.
— „Такою должна быть еда,
Иначе
С чего вам быть сильными?“

Увидя
Межи сенокосов и пашен,
Спросил богатырь:
— „Что это?“
Три брата сказали:
— „Теперь
Брат с братом

И дети с отцами
Расходятся — делятся
И делают борозды“.

Взглянул богатырь на поля,
Увидел навозные кучи.

Спросил:

— „Откуда там пятна?“

— „То — пашня:

Хозяин ее унавозил,
Чтоб лучше родила она“.

— „О, бедные, дрянь свою
Вы снова съедаете!..“

— „А вы как пахали?“

— „Так:

Бывало

Топтали мы пятками землю.

Весь мир шевелился —

Родились посевы“.

Вдали

Раздался крик женщины.

Спросил богатырь:

— „Что это?

Чей крик?“

„Поссорилась женщина с кем-то

И крикнула...“

— „О, бедные, к вам

Доходит крик женский.
Наверно, у вас
Обилья поэтому нет...
Верните обратно меня,
Чтоб мне
Вас больше не слышать".
Взмолился Амран:
— „Кем был он,
Тем сделай его“.
Тогда загремел мир,
И стал богатырь костяком.

А М Р А Н

И Д Э В И

Пошли братья дальше.
Проходят и видят:
Построена крепость,
На крепости надпись:
„Тут жил богатырь Агынати.
Убил его Дэви.
Амран Даредзанти
Возьмет мою кровь“.
Бадри разбирал письма.

Прочел он — в душе улыбнулся.
Заметил Амран и спросил:
— „Чему улыбнулся ты?..
Скажи, что написано?..“
— „Тут жил богатырь Агынати,
За черной горой
Убил его Дэви.
Амран Даредзанти —
За кровь мою мститель“.

Амран разве не был
Насильником,
Искателем битв?..
Сказал он:
— „Я должен взять кровь!“
Амран
На черную гору пошел,
А братья остались.
Он с черной горы посмотрел
И Дэви увидел на крепости.
А Дэви,
Увидя Амрана,
Подумал:
„Силач!“
И выпустил стадо.

Когда
К Амрану приблизилось стадо,

Он гнал его,
Но, если, нагнав,
Хватался за фыра,
Таскал его фыр за собою.
Барана поймает —
Таскал и баран.
А Дэви смотрел и смеялся:
„Ну, этот
Пойдет мне на ужин, —
Он даже барана не может схватить“.

Амран
Опять на коня сел,
К воротам подъехал
И крикнул:
— „Ты гостя не вступишь, хозяин?“
Сам Дэви из крепости вышел,
Амрана схватил, закружил его.
Амран говорит ему: — „Дэви,
Пусть мать и отец
Того, кто хорошим тебя называл,
Без отдыха будут.
Да разве
Гостей никогда у вас не было?“
Сказал ему Дэви:
— „Амран, бог свидетель,
Тебя
Врагом я считал“.

Позвал его Дэви
И фыра зарезал.

Сидели до ночи,
И Дэви уснул.

Амран огляделся и видит:
В стене замурован мужчина —

Его две руки и лицо
Торчали наружу.

Амран подошел и спросил:

— „Кем ты замурован?“

— „Я — брат Дэви; им замурован“.

— „Скажи, как убить его?“

И выпущу

Отсюда тебя“.

— „Висит на стене его меч.

В ножнах окуни его в воду,

В воде обнажи,

Иначе он свистнет —

И Дэви проснется и съест тебя.

Потом принеси сюда меч

И Дэви ударь по затылку.

Его голова

Сухою отскочит.

Его же мечом убить его можно,

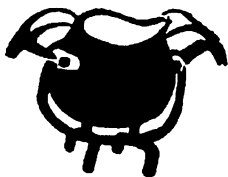
А больше ничем“.

Амран

Меч в воду понес,

В воде обнажил
И к Дэви приблизился.
Собрался он Дэви ударить,
Но тот,
Кто был замурован,
Сказал:
— „Не так.
Ты лестницу
Подставь к чердаку
И, Дэви ударив,
На землю брось меч,
А сам
Спеши на чердак
И лестницу сбрось.
Не то
Проглотит тебя голова его“.
Амран принес лестницу
И Дэви ударил.
Его голова
Упала на землю.
Амран
Меч бросил,
Взбежал на чердак,
А Дэви,
Держа меч в зубах,
Кружился по комнате:
— „Амран где?..
Я съем его“.

Когда голова
Остыла,
То меч изо рта ее выпал.
Амран
Сошел с чердака
И вынул мужчину,
В стене замурованного,
Взял кровь Агынати
И к братьям вернулся.

А М Р А Н

И В И Н О Д Е Л

Пошли.
И встретился с ними крестьянин,
В арбе
Везущий вино.
Сломалась
Арбы ось.
Сердился хозяин:
— „Теперь что мне делать?“

Бревно есть в запасе —
Ось новую сделал бы,
Но кто
Подержит бурдюк?“

Амран предложил:
— „Дай мне
Глоток с половиной,
И я
Бурдюк подниму“.

Ответил хозяин вина:
— „Глоток с половиной — пустяк,
Пей сколько захочешь...“
Амран подошел,
Арбу починил,
Опять
Бурдюк положил на нее.
Хозяин вина
Сказал ему:
— „Ну, пей свой глоток с половиной...
Все пей,
Что надо тебе“.

Амран
Взял в рот
Бурдючную ножку
И сделал
Всего половину глотка,

Но большую часть вина выпил.
Хозяин вина разозлился:
— „На что мне теперь
Подвода нужна,
Когда ты вино уже выпил?“

Амран отвечает:
— „Не будь
Изменником слову:
Ты к ссоре ведешь.
Неси,
Что ты обещался“.

Хозяин вина возразил:
— „Ты сделал всего полглотка,
И мне ничего не осталось.
А если
Ты сделаешь целый глоток,
Тогда и вино, и бурдюк
Все вместе проглотить...“

На спорящих
Набрел великан
И крикнул:
— „Кто вы?..
Что вы своим криком
Людей беспокоите?“
Хозяин вина
Принес ему жалобу:

— „Сломалась арба у меня,
И он за глоток с половиной
Ее починил.

Он сделал всего полглотка,
И сразу вина в бурдюке
Немного осталось“.

Сказал великан:

— „Сорвать ему голову?..

Но он

Мне кажется добрым...

Снесу его к сыну,
Пусть сын позабавится“.

Схватил великан

Амрана,

Заткнул в ноговицу его

И в крепость унес.

КАК АМРАН БЕЖАЛ ОТ СЫНА

черного великана

Большой великан
Амрана отдал
Ребенку, который спал в люльке.
Ребенок проснулся,
Играл с ним.
Амран
Пищал у него в двух ладонях
И выпал.

Большой великан
Куда-то ушел.
Амран
Зарезал ребенка
И выбежал.
Пришел к своим братьям.
Бадри с Мысырби
Сидели и плакали.
Сказал Мысырби:
— „Амран,
Вернемся обратно.
На нас
Ты зря не рассчитывай:
Погибнем“.

Амран им сказал:
— „Не бойтесь;
Хоть вы и бессильны,
Но все же
Меня вы поддерживаете.
Не думай,
Что я
Иду за женой;
Нет, я
Иду свою силу искать.
Не то,
Чем раньше умрем все,
Тем лучше“.

Еще возражали бы братья?..

Меж тем
Большой великан
Вернулся и мертвым увидел
Ребенка.
Погнался,
Приблизился.
Три брата —
Амран, Мысырби и Бадри —
Его испугались.
Взмолился Амран:
— „Хцау Хцаути,
Устрой, чтоб вокруг великана
Лес вырос
И чтоб перед нами легла
Дорога проезжая“.

Вокруг великана лес вырос,
Легла перед ними дорога.
Сердился в лесу великан:
Бежать тяжелей ему стало.

ДАРЕДЗАНТИ

И С Е Я Т Е Л Ь

Три брата
Сошли тогда в поле.
По полю ходил человек.
Под локтем была у него
Такая сапетка,
В которой зерна сто пудов.
Он сеял.
К ноге прикрепив борону,

Какую стащить не могли бы
Сто буйволов,
Тянул он ее.

Опять великан
Приблизился к братьям.
Амран сказал пахарю:
— „Вот, пахарь,
Мы — гости отца твоего
И матери.
Большой великан
Нас хочет зарезать.
Ты что-нибудь сделай“.
— „Садитесь в сапетку,
Не бойтесь“.

Трех братьев
Под локоть в сапетку
Тот сеятель бросил.
По полю шагая,
Зерно
То в пашню бросал он,
То — в рот.
Амран попал в рот...

Пришел великан,
И сеятель крикнул ему:
— „Собака!“

За чьими гостями
Ты гонишься?
Вернись,
Твой дом — мое горе“.

Ворча
Ушел великан,
А сеятель
Бадри с Мысырби
Поднял из сапетки,
Спросил:
— „А где же товарищ ваш?“
Амран ему крикнул:
— „Я здесь,
И ты меня скоро проглотитишь!“

И сеятель
Амрана на землю спустил.
— „Кто вы?
Куда вы идете?
Теперь злое время,
Теперь время пиллон-гумиров.
На что вы надеетесь?“
— „Мы — братья,
Отец наш — Иамон Даредзанти.
Идем
В страну между Балкой и Кобанью,
К Тамаре Красивой.

Она
Должна в наши руки попасть“.

— „Идите,
Тамара Красивая в крепости
За морем живет.
Из меди тяжелые двери
На входы повешены.
В дверь эту
Двенадцать пар буйволов
Снаружи запряжены.
Внутри
Двенадцать пар тоже:
Они открывают,
Они закрывают.
Идите, и если на вас
Есть дыхание Хцауа,
То лошади ваши
Поскачут над морем.
Иначе — провалитесь,
Погибнете.

КАК ДАРЕДЗАНТИ ПЕРЕПРАВИЛИСЬ
ч е р е з м о р е

Пошли.
У берега черного моря
Амран
Сказал своим братьям:
— „Пойду я,
А вы
Смотрите отсюда
И если увидите,

Что начало море белеть,
То жив я...
Но если
Из моря пойдет черный дым
Я умер.
Тогда
Идите обратно“.
Амран сел на лошадь.
— „Хцау Хцаути,
Меня сотворивший,
Коня не пускай по несчастной дороге,
Должна в мои руки попасть
Тамара Красивая“.

Амран
Погнал лошадь в море —
У лошади грива не вымокла.
Тогда перешли за ним братья.

А М Р А Н

И У А С Т Ы Р Д Ж И

Пошли.

И встретили Уастырджи:

Прикинулся тот

Седым стариком,

Сказал:

— „Да будет прямою дорога вам!“

— „Да будет прямым твое дело!“

— „Хорошие мальчики,

Куда вы идете
Дорогой счастливою?“
Ответил Амран:
— „Да разве
Счастливая наша дорога?..
Мне силу связала
Какая-то девушка:
За нею идем,
Но где она — сами не знаем“.

Дела их
Не знал разве Уастырджи?..
Он посохом стукнул —
Дорога наметилась.
Сказал братьям Уастырджи:
— „Ступайте сюда, и дорога
Вам будет разворачиваться.
И в город она приведет.
Туда не входите:
Найдите приют на окраине.
Сидит ваша девушка в башне
За стенами крепкими.
Один из вас в город войдет,
Под башнею станет.
Потом
Настанет хорошее.
Поймите, что сказано!
Я стар —

Не врут старики“.
Три брата
Сказали спасибо,
Вступили втроем на дорогу.
Легко довела она братьев
До города.
Как сказано было,
Так сделали.

ТАМАРА
к р а с и в а я

Тамара Красивая знала,
Что муж ее будет
Амран Даредзанти.
Пошел Мысырби к ее крепости,
И знала Тамара:
„Теперь подошел мой суженый“.
Она
В окно посмотрела,
Спросила:

— „Ты кто? Ты что смотришь?“

Плохой Мысырби

От вида ее онемел...

Сказал погодя:

— „Так...“

На крепость смотрел,

Тебя не смотрел...“

Тамара Красивая

Один волосок

Из кос своих вырвала

И, мальчику кинув,

Сказала:

— „Возьми, передай

Амрану,

Товарищу вашему.

Пусть он

Повяжет им голову...

Мой волос

Излечит его!..“

Плохой Мысырби

Принял волосок,

Отдал его брату.

Амран сделал так, как сказала

Тамара Красивая,

И сила

В три раза большая

Вернулась к нему.

А М Р А Н

вернувший силу

Амран,
Когда его сила
На место вскочила,
Сказал:
— „Теперь не погибнем,
Не бойтесь!
Останьтесь здесь на ночь,
А я эту крепость

Увижу.
Иначе — умру“.

Тамара Красивая знала,
Что ночью
Амран подойдет.
Боялась она,
Что если
Он силой прорвется,
Тогда
Нигде
С Амраном не встретится.
Она, когда на ночь
Ворота закрыли,
Открыла их,
Сама прилегла.
Амран
Открытые двери нашел
И наверх взбежал.
Когда
Амран и Тамара
Друг друга увидели,
От сильной любви
Упали.
Поднявшись,
Тамара Красивая
Сказала Амрану:
— „Амран,

Мы выбраться можем украдкой,
И если мы мимо
Отцовских людей
Тайком не пройдем,
То сила твоя не поможет“.
Амран сказал девушке:
— „Мы пешими тоже не будем сильны“.
Тамара ответила:
— „Я добрых коней отыщу“.
Сбежала она
В конюшни отцовские,
Сказала там конюху:
— „Из лучших коней, самых лучших
Седлай четырех,
За мною их выведи“.

И конюх сейчас же
Коней оседлал,
Подвел их к воротам.
Тамара сказала Амрану.
— „Теперь иди быстро“.
Уселись
И двух лошадей
Вели в поводу.
Приехали к братьям,
Уселись Бадри с Мысырби —
Поехали.

КАКОЙ ПЕТУХ СТОРОЖИЛ ТАМАРУ
И КАК ГНАЛИСЬ ГОРОЖАНЕ
з а д а р е д з а н т и

 Был
 Петух Золотой
Приставлен к Тамаре Красивой.
 Пока
 Садилась
Бадри с Мысырби на коней,
 Язык его к небу присох —
 Не мог он кричать.

Когда
Уселись они,
Запел Золотой
Так сильно,
Что все горожане проснулись.

Все в городе знали,
Что если
Петух прокричал,
То, значит, уводят
Тамару Красивую.
Вскочили,
К Тамариной крепости бросились —
Тамары там нет.
Отец ее, Тондер-Тундер,
Кричал:
„Тревога!
Спешите!
Я сам впереди!
Того, кто не выйдет,
В огне
Сожгу!“

Спешили, не зная, куда убежала,
Тамара Красивая.
Тогда зарыдали все вместе,
И дождь пролился.
Настиг он Тамару Красивую

И трех Даредзанги.
Скакать стало трудно.

Амран

Спросил у Тамары:

— „Я слышал, что ты
Все знаешь.

Откуда взялась непогода?“

Тамара ответила:

— „Пусти свою лошадь вперед,
Тогда объясню“.

Амран пустил лошадь,

Тамара сказала:

— „Не знает погоня,

Куда мы направились,

И все, как один, зарыдали:

А нам — непогода“.

Но вот непогоду

Сменила жара.

— „А это откуда?“

— „Узнали теперь,

И все засмеялись:

Настигло нас

Тепло их дыханья“.

Тогда беглецов нагнал ветер...

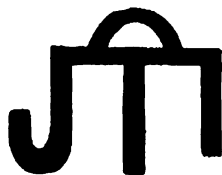
— „А это что будет?“

— „А это

Ноздрей лошадиных

Дыхание бурное:
Погоня приблизилась.
Теперь не спастись нам,
Теперь нам нужны
Вершины усилий“.

Тамара Красивая спрыгнула
И Хцау взмолилась:
— „Хцау Хцаути, ты сделай,
Чтоб вырос здесь дом трехэтажный,
Чтоб выросли башни
На стенах его“.
Дом вырос,
И в доме их войско настигло.

КАК АМРАН УБИЛ ВСЕХ ВРАГОВ
И КАК СВЯЩЕННИК
обманул амрана

Амран
Сказал Мысырби:
„Нам стыдно
С коней сойти вместе.
Сойди и воюй!“
Сошел Мысырби,
Сражался до света.
Он многих убил,
Убили его.

Амран
Бадри говорит:
— „Теперь
Воюй с ними ты!“
Спустился Бадри,
Боролся.
Убил половину врагов,
Убили его.

Свирепый
Пошел на врагов
Амран.
Сильнейший из сильных
На суше живущих
По силе
Нигде, никогда не сравнялся
С Амраном.
До корня
Врага уничтожил он,
Никто не ушел.

Двух братьев —
Бадри, Мысырби —
Амран отыскал
И в крепость принес.
На башне сложил их
И, скучный,
Сел рядом.

Тогда
Из кучи убитых
Священник израненный вылез.
С мольбою
К Амрану пришел:
— „Я — бедный...
Меня не убей...
Я ноги твои буду мыть“.

Сильнейший из сильных
На суше живущих
По силе
Нигде, никогда не сравнялся
С Амраном.

Подумал Амран:
„Одни мы...
Пусть он воду носит“.
Священник
К Амрану поднялся
И стелет:
— „Алдар, ты устал — ты прилег бы!“
Как не был усталым Амран?
Уснул он,
Священник же сбегал
На поле умолкшее,
Копье себе выбрал,
Амрана

Под мышку ударил.
Погиб человек.
Потом
Священник
К жене его сунулся:
— „Мне бог дал тебя,
Мы вместе жить будем“.

Ответила
Тамара Красивая:
— „Конечно,
Я буду твоею:
Сородичей нет у меня
И мужа нет.
Найду ли кого-нибудь лучше тебя?
Но ты подожди подходить,
Пока мое сердце
От скорби очистится“.

Священник остался доволен,
Размяк,
И чтобы жены его сердце
Скорее поправилось,
Он стал ей носить
Такие и всякие вещи.

КАК ТАМАРА КРАСИВАЯ ОБМАНУЛА
с в я щ е н н и к а

Однажды священник гулял,
А кто-то
Нес рыбок.
Подумал священник:
„Жене моей как не купить их:
И сердцу ее легче станет,
И больше полюбит меня“.
Купил и понес,

Но в пыль по пути уронил.
Подумал священник:
„Обидно ей будет,
Когда
В грязи она рыбок увидит...“

Вблизи был источник;
Священник
К нему побежал,
Чтоб рыбок в воде сполоснуть,
Но рыбки, в воде засверкав,
Уплыли.

Священник смеялся:
„Ведь если о чуде таком
Жене рассказать —
Что лучше услышит она?..
Рассказ ей приятнее будет,
Чем рыбки“.

Священник спешил,
Смеясь, улыбаясь,
И дома жене рассказал.

Тамара ответила:
„Я знала,
Что пойманных рыбок,
Чтоб ожили, можно
В холодную воду пускать
В течение трех дней.

Теперь
Пойди на базар,
Купи для меня
Хорошие фрукты.
Я слышу,
Как сердце забилось
И фруктов ему захотелось“.

Священник был рад,
Что сердце
Его нареченной
Светлело.
Пошел на базар,
А девушка
С кровати вскочила,
Сначала она Мысырби
Облила водой:
Чем был, тем восстал он.
Тогда
Тамара омыла
Двух братьев:
Чем были, тем встали они.

Священник вернулся,
Увидел трех братьев
И легкость свою потерял:
— „Меня не убейте!..
Ошибся!“

Амран говорит:
— „Грешно по тебе с твоим званьем
Ударить мечом.

Простить тебя тоже нельзя.
Ты встань рядом с камнем,

А я

По камню ударю мечом:
Расколется ль камень?
А злоба моя отойдет“.

Ударил Амран
И камень рассек...
Священник по поясу
Распался на части,
Не крикнул
И даже понять не успел.

Потом

Уселись верхами
И к тетке приехали.
Сестра Даредзанти
Зарезала им
Шесть тысяч
Баранов, быков и коров,
Племяннику свадьбу устроила,
Три месяца их угощала.

КАК БОРОЛСЯ АМРАН С СЕМЬЮ НЕБЕСНЫМИ
В Е Л И К Я Н А М И

Пока
Три брата —
Амран, Бадри, Мысырби —
Ходили в страну
Меж Балкой и Кобанем,
Ослабла фамилия.
Вернувшись,
Три брата увидели жен Даредзанти

Снующими
У медных котлов.

Спросили три брата —
 Ответили женщины:
— „С тех пор, как ушли вы,
 Ослабла фамилия наша,
 И мы платим дань
 Семи великанам небесным:
 Для них варим пиво
 И мясо.
 Сильнейший из сильных
 На суше живущих
 По силе
Нигде, никогда не сравнялся
 С Амраном:
— „Впустите меня к себе ночью“.
 Подумали женщины:
 „Съедят его семь великанов.“
 Но все же
 Впустили и спрятали...

Собрались громадные гости,
 Расселись,
 Нажрались, напились.
 Вздремнули...
 Тогда
 Вошел к ним Амран

И шесть великанов
Мечом порубил.
Седьмой великан был крылатый
Пакондзи.
Сорвал потолок он и вылетел.
И после
Нигде нельзя было пройти
Стадам Даредзанти
И людям.

КАК АМРАН ПОБЕДИЛ

п а к о н д з и

Однажды
Пошел Мысырби за водой.
Уселся и с берега
Матару спустил.
Тогда
Пакондзи слетел,
Схватил Мысырби,
На небо унес.

Бадри говорит:
— „Амран,
Нет нашего брата...“

Пошли
Искать Мысырби.
Бродили всю ночь —
Где было найти?
Амран говорит:
— „Бадри,
Иди ты домой,
А я не вернусь,
Пока не найду“.
Он сделал себе
Арчита из меди
И палку
С железным концом.
Кружил и ходил,
Но брата
Нигде не нашел.

„Что делать?
Его на земле я не вижу...
Но если я знаю немного,
То это Пакондзи
Унес его...“
Амран разве не был
Насильником

Искателем битв ?..
Он вывел
Из черного моря
Большого быка,
Содрал с него шкуру
И влез в нее.
Мольбы Даредзановых
Хцау
Всегда исполнял.
Взмолился Амран:
— „Хцау Хцаути!
Пусть
Крылатый Пакондзи
Снесет к Мысырби меня.
Быть может,
Живым я застану его...“

Пакондзи
Летал только ночью.
Вечерней зарей
Увидел Пакондзи
Морского быка.
Подумал Пакондзи:
„Внизу среди поля
Ползет
Добыча какая-то“.
Спустился.
В морского быка

Вонзил свои когти,
Кругами,
Кругами
Понес его.

Когда уж высоко
Он поднял добычу тяжелую,
Не смог удержать
И выронил, —
Амран
О землю ударился.
Взмолился Амран:
— „Хцау Хцаути!
Ты сделай
Меня таким легким,
Чтоб мог
Пакондзи поднять“.
Хцау сделал.

Лишившись добычи,
Пакондзи подумал:
„Чтоб лучший из вашей фамилии умер,
Но все же
Тебя не оставлю“.
Вернулся к быку,
Взвалил его на спину
И, легкого,
На небо унес.

Ругаясь,
Он сбросил быка во дворе.
— „Чтоб сгинул ваш дом,—
Ты тяжестью
Меня заморил!“

Когда
Хозяева дома уснули,
Когда
Пакондзи уснул,
Амран
Прорезал бурдюк
И вылез
Искать Мысырби.
В сарае привязанным
Амран нашел брата.
Спросил его:
— „Тебя почему
Еще не зарезали?“
Сказал Мысырби:
— „Мы завтра
Рассказывать будем
Сны наши —
Зарежут меня послезавтра“.

Амран посоветовал:
— „Вы завтра
Рассказывать будете сны,

И скажут Пакондзи
И мать его:
„Мы видели сон,
Хороший и дивный:
Тебя
Во сне мы зарезали.
Потом колбасу
В три сажени сделали.
Ты был такой жирный,
Что не было видно ножа
В боку твоём...“
А ты им скажи:
„Я тоже
В ночи видел сон,
Его
Я вам рассказал бы...“

Ответит Пакондзи:
„Бедняк Мысырби,
Ты — кусарт,
И мы
Зарежем тебя.
Болтай, сколько хочешь“.
Скажи им:
„Я видел во сне,
Как будто Амран
Явился сюда
И вас перебил...“

Потом ты увидишь,
Что будет“.

Когда поутру,
Свой сон рассказал Мысырби,
Пакондзи

И мать его крикнули:

— „Собака...

Что он говорит...

Зарежем его!“

Они положили

На стол Мысырби,

Собрались зарезать.

Амран тогда вышел,

Сказал:

— „Ослы! Чьего брата вы режете!“

Боролись

Пакондзи с Амраном.

Места,

Куда ее сын попадал,

Клыкастая мать

Золой посыпала

И воду лила,

Куда

Амран припадал...

Амран

Убил великана.

Тогда
К старухе клыкастой
Язык подпустил он:
— „Мать!
Скажи, как теперь
Найти нам дорогу
На землю?“
Сказала старуха:
— „На крыше
Возьми кусок кожи,
И если ты сможешь
Его растянуть,
То будет
Дорога на землю...
А вот и другое:
В кабице веревка...
Когда ею свяжешь
Все,
Что есть в нашем доме,
То это не будет
Тяжеле веревки“.
Амран тогда вышиб
Клыки у старухи,
Взял кожу,
Расправил и бросил —
Раскрылась
Дорога аробная.
Сказал он:

— „Теперь я поверил,
Что правду
Сказала старуха“.
Пошел он в кабицу,
Веревкой
Добра связал много,
И даже плохой Мысырби
Поднял все:
Не стало
Добро тяжелее веревки.
Амран говорит:
— „И верно,
Хорошая вещь!“
И вечером
С братом
Спустился на землю
На радость Бадри.
Тот думал уже:
„Наверно Пакондзи
Поел моих братьев...“
И справил им хист.
А братья вернулись!

Г И Б Е Л Ь

а м р а н а

Не было места
На суше и море,
Где б силу не пробовал
Амран Даредзанти.
Один только Хцау
Им не был испытан.
Задумал он Хцауа проверить.

Тогда ехал Хцау по дороге,
На лошади сидя.
Амрана увидев, сказал:
— „Да будет прямою дорога твоя,
Племянник Амран..“

Ответил племянник:
— „Да будет прямым твое дело,
Родня моей матери...
Слезай и поборемся:
Увидим, кто сильный“.
Тогда Хцау сказал:
— „Амран,
Борьбою со мною не сладишь“.
— „Слезай, Хцау, проверим
Я и ты свои силы!“
Хцау бросил на землю
И просит Амрана:
— „Поддай мою плеть!“
Нагнулся Амран,
Схватился за ручку,
Но плеть с места двинуть не может.
А Хцау,
Разозлившись,
Наслал на Амрана святых.
На Уорсаджи-хохе
Амрана связали святые.
Амран Даредзанти

До этого дня
На Уорсаджи-хохе закован в пещере.

Однажды Дзудта Куци
Пошел на охоту.
Наткнулся в ущельи на двери пещеры.
Открылись они.
Увидел охотник:
Амран Даредзанти
Цепями железными связан
И в синем дыму синим блеском сверкает.
Глаза его — бычьи ошейники,
Корявы, как дерево, руки...
Охотник его испугался
Хотел убежать.
— „Не бойся, ведь я —
Амран Даредзанти.
Приблизься ко мне“.
Охотник послушался...
— „Подай мне мой меч“, —
Амран попросил.

К мечу потянулся охотник —
Не сдвинулся меч.
— „Не взять мне его...
Что делать?..“
— „Одною рукой ты держи перевязь,
Другую — дай мне...“

Охотник послушался.
Амран потянул — закричал Дзудта Куци:
— „Порвешь мое тело!..“

Амран отпустил Дзудта Куци,

Сказал:

— „Спешу,

И если ты сможешь

Без споров

С небес оброненную цепь

Ко мне принести,

То вырвусь отсюда

И счастье придет к вам,

Земные!“

С небес оброненная цепь
У Дзудта Куци была дома.

Вбежал он домой,

Цепь сбросил,

Схватил и понес.

Жена увидела и крикнула вслед:
— „Куда ты несешь мою цепь!..“

Тогда вот закрылась пещера...

Цепями железными связан

Остался Амран.

КОММЕНТАРИИ

В словах „Хцау“ и „Уастырджи“ звук „у“ — краткий, полугласный. В русской транскрипции его следовало бы изображать с кавычкой. То же относится к звуку „и“ в имени Иамон.

Рождение Амрана

В предании, записанном А. Кайтмазовым („Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, в. 7, Тифлис) от жителей сел. Георгиевско-Осетинского, выселенцев из осетинского Алагирского ущелья в Карачай, Амран называется сыном Ростомом (см. туранский эпос—„Рустем и Зораб“). В предании, изложенном „своими словами“, значит: :

„Однажды Ростом, отправившись на охоту, убил оленя и принес его в одну пещеру, где принялся делать из него шашлыки. Когда шашлыки были готовы и Ростом хотел приняться за еду, из темного угла пещеры выходит к нему клыкастая женщина. Ростом поделился с ней шашлыками. Когда они поели, она предложила ему остаться с нею. Он долго отказывался, предчувствуя что-то нехорошее, но когда она стала приставать к нему все больше и больше, он уступил ее желанию. Предчувствие Ростом сбилось: он через несколько минут испустил дух. Умирая, он только просил клыкастую женщину, чтобы она назвала сына Амираном. Когда у нее родился сын, она действительно назвала его Амираном“.

Третий вариант о рождении Амрана приведен в комментарии к эпизоду „Как Амран хотел взять в жены вдову богатырей“.

Обычай надрезания горла убитой дичи существует у нынешних горских охотников тоже. Цель надрезания — выпустить „дурную кровь“.

Куад — пир, устраиваемый по поводу радостного события, или какого-нибудь важного начинания, или начала полевых работ и т. д. В таких случаях в честь бога-покровителя данного типа дел (*Уастырджи* — для путешествующих, *Авсати* — для занимающихся охотой, *Уацилла* — для снимающих жатву) закалываются жертвенные животные и самая еда сопровождается обильными возлияниями и моельными тостами.

Хуау — бог. И в эпосе об Амране и в быту осетин он часто фигурирует как *Хуцаути хуау* — бог богов.

Шомпур — вертела, на которых жарится мясо — шашлык.

„*Пусть дни свои прольют*“ — бытующая у осетин форма проклятия, выражающая пожелание скорейшей смерти.

Бадри, как и *Иамон* — имена, перешедшие в осетинский эпос от грузин. У Шота Руставели, творца „Барсовой Шкуры“ (XII век), встречается упоминание о писателе, воспевшем в Имеретии Бадри Яманисдзе.

Удисн — мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого пальца и мизинца; *улынг* — между концами растянутых большого и указательного пальцев.

Несколько слов о транскрипции „Амран“ (*Амуган* — в осетинской). В русской краеведческой литературе утвердилась транскрипция „Амиран“. В осетинском произношении звук „у“ (игрек) выпадает. Поэтому я счел более соответствующей осетинскому языку транскрипцию, употребляемую в тексте.

Как братья встретили Амрана

Вариант А. Кайтмазова („Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, в. 7) о встрече Амрана с людьми несколько иной: „Амран, рожденный клыкастой женщиной (о которой шла речь в примечаниях, относящихся к эпизоду „Рождение Амрана“. — *Дз. Г.*), с самой ранней молодости полюбил охоту и предавался ей днем и ночью. Отправившись однажды на охоту, бродя по лесу, он предался думам; между прочим

Амран удивлялся тому, что он столько времени охотится, а до сих пор не встретился с ним ни один человек.

Да есть ли еще другие люди? Был ли у него отец? Амрану очень захотелось узнать это. Убив оленя и взяв его себе на плечо, он сейчас же отправился домой и пристал к матери, чтобы она объяснила ему его происхождение. Мать долго отказывалась, но, уступая настоятельным просьбам сына, принуждена была рассказать ему, как было дело. Тогда Амран задумал во что бы то ни стало отыскать свое отечество. Много протекло дней, много пройдено земель, когда он пришел в один аул.

Далее в предании А. Кайтмазова описываются женщины, занятые приготовлением пищи для семи небесных великанов. На вопрос Амрана: „Кто они и что делают?“ женщины ответили, что „в доме Ростомы, пропавшего без вести, остались они одни и вынуждены платить дань семи небесным великанам, которые Ростому сами платили дань“ и т. д. По просьбе Амрана женщины впустили его в дом и дали ему шашку Ростомы. Амран убил ею шестерых великанов, седьмой же успел сорвать потолок и улететь на небо. Впоследствии он похитил Мысырби (Усаби в наименовании А. Кайтмазова).

В предании, записанном В. Ф. Миллером, Мысырби похищается Пакондзи (см. эпизод „Как Амран победил Пакондзи“) и в несколько иной обстановке: во время путешествия братьев. Для сохранения сюжетной цельности это событие отнесено в данной редакции к моменту возвращения братьев из путешествия (см. тот же эпизод).

В предании более позднем по происхождению („Амран“, как уже говорилось, эволюционировал там в библейско-христианское „Абран“ — Авраам) встреча Бадри и Мысырби с Амраном описана так: „Даредзанти оскудели и остались у них двое мужчин: Мысырби и Бадри. Сидели они в своем городе одинокие и скучали. Наконец решили: „Пойдем в сторону моря — разомнемся“. Встали и пошли. По берегу туда-сюда ходили, Амран (Абран, как значится в тексте именно этого сказания.— Дз. Г.) их увидел. Когда их увидел, сердцу его приятно стало. Подумал он про себя: „Я должен их узнать, иначе не может быть. Они похожи на людей нашего племени

(дословно: Их вид на наш вид похож). Но ведь фамилией нас уже не считают. Кто же они такие?"

Амран пошел к ним — из моря вышел.

Мальчики, когда увидели его, испугались и друг-другу говорят:

— Что такое? Кто вышел к нам? От него нам нехорошо будет.

Амран их понял:

— Эй, не бойтесь, — говорит им, — ваш вид мне был приятен, и близко (хочу) видеть вас. Кто вы—этим хочу спросить.

Мальчики остановились. Подошел Амран и за руки взял их — полюбил еще больше.

Амран говорит им:

— Неправду не скажите (дословно: Неправдивое слово не скажите мне). Из какой вы фамилии? (Определенно скажите мне).

Мальчики сказали:

— Фамилия (род)-то у нас вполне хорошая, но кроме нас из фамилии никого не осталось. Мы (есть действительно) — Даредзанты.

У Амрана от радости сердце защемило и говорит:

— Мальчики, сегодня для меня до вечера здесь останьтесь и вместе до вечера просидим...

Мальчикам как не было приятно! Со дня до вечера сидят, разговаривают, но спросить его не смеют:

„Ты из какой фамилии?“

Так просидели до вечера. Мальчики ушли. Друг от друга когда отделились, тогда слезы посыпались у Мысырби и Бадри.

— Такой к чьей фамилии может принадлежать? (дословно: Ах, такой чьей фамилии есть?).

Амран же подумал:

„Их одних отпустить мне стыдно, но у меня под мышками еще не связало (не заросло). Если я так пойду (с ними), то впоследствии хорошо не будет“.

Так и разошлись в разные стороны (по сторонам).

Вечером мальчиков от любви к Амрану долго не мог одолеть сон. На другой день -- еще темно было — вскочили, пришли к берегу моря. Амран сердечно выплыл к ним. Целый день просидели хорошо. Еще больше полюбили друг друга. Вечером разошлись в разные

стороны плача. Мысырби был умным и говорит брату:

— Колдунью спросим, как мы выведем этого человека, пусть она нам скажет. Тогда бы прожили хорошо.

Пришли к колдунье (kul badaeg us — дословно: женщина, сидящая на стене) и рассказали.

— Один человек из моря на сушу выходит и вид у него на Даредзановский похож. Но не смеем спросить его: „Кто ты, чей ты?“ Если бы вывела его из моря...

Женщина говорит:

— Это вам легкое дело. Завтра, когда будете итти, с собой возьмите зеркало и бритву и около него себя красиво побрейте. Когда кончите бриться, зеркало дайте ему. Он позавидует вашему виду, вашей красоте и скажет вам: „Меня тоже, как себя, сделайте хорошим, интересно, каким я буду...“ Вы его побрейте, и море к себе его больше не пустит. И тогда — вечером пойдет за вами. Он будет из ваших (из вашего рода), имя его — Амран.

Мальчики вернулись домой. На ночь легли. Утром с собой взяли бритву и зеркало. Амран вышел к ним. Мальчики друг другу говорят: „Давай головы побреем“. Амран говорит: „Ну-ка посмотрю, что называется бритье“ Мальчики друг друга бреют, в зеркало смотрят. Амран когда их бритыми увидел, то больше понравилась его сердцу.

— Ну-ка, спустите ваше зеркало: что вы смотрите, и я посмотрю.

Дали ему зеркало. Амран посмотрел в зеркало, и свой вид сердцу не понравился.

— Мальчики, меня тоже побрейте.

Живо вскочили и красивее себя побрили его. Целый день сидят — вечером в разные стороны пошли.

Амран приблизился к морю. Себя он бросит (в море) — море его обратно выбросит:

— Ко мне тебе дороги нет больше. Но (там) где ты будешь жить, туда иди.

Амран крикнул братьям:

— Подождите меня: вместе... Тяжелыми дни чтоб ваши были... Я вам себя потому не открывал: у меня под

мышками еще открыто (не заросло). Если бы вы меня до моего времени оставили... А то (ведь) я—ваш брат Амран. Идемте вместе.

Мальчики обрадовались:

— Ну, если ты нам так (доводишься), тогда и мы будем жить: среди народа нам больше нечего бояться.

Вышли оттуда — пришли в город. Начали там жить. Кроме дичи, мяса у них никакого не было и т. д., как в тексте; начинается эпизод с девушкой из фамилии Даредзанти, отданной замуж за семь гор и рек.

В этом варианте братья безо всяких приключений, по следам раненого оленя доходят до дома своей родственницы.

Амран и Красный Всадник

„Небесный огонь съешь — поклянись“. У архаических осетин люди, давшие клятву, называются: *ард хордта* — съевшие огонь.

Что было с Даредзанти в городе

В сказании „Daredzanti Amyran æтæ Æхson uæig“ встреча братьев с родственницею описывается так:

„След (оленя) привел к дверям дома, и внутри человеческие стоны слышны. Амран говорит:

— Пойдемте во внутрь — не бойтесь.

Вошли в дом. В доме одна старая женщина навзничь лежала. Амран спрашивает:

— Что с тобою, частица моей матери? Почему ты стоишь так сильно?

Женщина ответила:

— Что делать, дети... Я—девушка из фамилии Даредзанти, и дошли до меня слухи, что Даредзанти никого нет. Я в светлое сердце свое сказала: „Пойду и посмотрю откуда-нибудь; может быть, кто-нибудь еще шевелится“. Издали с вершины башни посмотрела, и три мальчика на верхушках башен сидели. Я подумала: „Возьму ближе подойду и наверное узнаю: свои ли они (из своих они еще)“. Себя в оленя превратила. Над ними близко спустилась. Мальчики меня увидели и три стрелы вме-

сте пустили. Я из-за любви в их город смотрела, а они подстерегли меня. Один из них, стрелявших в меня, в бок мне попал и кусочек моей печенки из другой стороны выпал. Оттуда убежала и вот сюда добралась. Теперь как мне не стонать: не умереть мне уже невозможно.

Амран спросил:

— Ну, а лекарство тебе никакое не поможет?

— Что мне еще поможет... Кусочки печени если бы еще были, тогда бы наверное выжила. А не то — выжить невозможно.

Амран в карман полез и оттуда их достал. С теплой водой он их дал ей (выпить). Женщина, какая была, такою стала.

Амран говорит:

— Ты — наша сестра, но как ты одиноко живешь?

Сестра говорит:

— Не была бы я одинока, но моего мужа убил ночной богатырь, и после этого осталась одинокою.

Амран говорит:

— А этот ночной богатырь жив?

Женщина отвечает:

— О, жертвой я тебе буду, мой брат. Ведь ему смерти нечего бояться. Жив он, а то что...

Амран говорит:

— Укажи мне его. Должен я взять кровь зятя.

(„Взять кровь“ — пролить кровь врага в отмщение за пролитую им кровь члена данного рода. — *Дз. Г.*).

Женщина говорит:

— Совсем тебе не укажу его. Такие, как ты, ему ничего не сделают.

Амран разозлился и крикнул на сестру:

— У тебя этого не спрашиваю — сделаю или смогу.

Женщина испугалась:

— Далеко не живет: в опасных горах обитает. Но как ты убьешь его? Из его ворот как вызовешь его... Из его ворот, когда позовешь его, то он не встанет к тебе: полный рот огня посыплет, и весь мир загорится. Таким образом сожжет тебя. Испытывая тебя, он тебе это устроит... Потом выскочит к тебе, и силач что ему сделает? Он сделан из ночи: твой меч его не изрубит... На меня чего ты обиделся? Я тебе поэтому не указывала его.

Амран братьям говорит:

— Со мною идете, мальчики.

Вскочили и пошли из дома.

Мальчики когда уходили, то сестра сзади еще сказала:

— Сделать ему вы ничего не сделаете. Но если вы окажетесь сильнее, то не дайте ему слова сказать“.

Как Амран потерял силу

Iwasn (*ивазн*) — мера длины, равная среднему человеческому росту.

Отары — стада баранов.

Страна между *Балкой* и *Кобанем* — неизвестна.

В арабском языке нехр альбалх рекой Балка называется *Джайхун* или *Оксус*.

„*Тандет* — *Тундет* — *Тарандет*“ — слова заклинания, не имеющие значения в современном осетинском языке.

В предании борьба Амрана с ночным богатырем сделана так:

„Выйдя от сестры, братья этого богатыря стадо застали в полях. Амран свой меч выхватил и самых больших буйволов трех зарезал и целиком с них кожу содрал, водой наполнил и под мышки взял. К ночному богатырю к воротам их принес и к своим братьям обернулся — пятой землю ударил и говорит:

— В бой когда мы возьмемся, из этой ямы не выходите: а то вас ветер унесет. Только если я крикну: „Ох, где вы мои братья“, тогда одним ртом (в один голос) крикните: „Держи нам его крепко, мы тоже приближаемся“. До этого не вздумайте подняться.

Сам повернулся к богатырю и крикнул:

— Ночной богатырь, наружу ко мне посмотри.

Ночной богатырь наружу полный рот огня выбросил. Амран одну из шкур схватил и на огонь налил. Огонь совсем не шевельнулся (погас). Амран еще крикнул:

— Наружу выйди ко мне. Я трубку не курю: на что мне твои огоньки?

Второй раз опять выпустил огонь. Амран схватил второй мешок и вылил. Огонь погас. Богатырь из крепости выскочил, в руке меч нес. Когда Амрану показался, Амран бросился к нему и обхватил. Меч из рук вырвал.

Началась борьба. По лесам-полям носят друг друга. Богатырь схватил Амрана и об землю стукнул. Амран до щиколоток в земле застрял. Амран братьям своим крикнул:

— Эй, мальчики, куда вы делись?

Мальчики крикнули:

— Не упусти нам его теперь: мы тоже приближаемся к тебе.

У богатыря сердце испугалось, и большая часть силы его отпала. Амран тоже богатыря схватил, об землю ударил, и (тот) до колен в земле застрял. Богатырь тоже схватил его и тоже до колен всадил. Амран опять своим братьям крикнул:

— Куда вы делись?.. Пустить вам я его не пущу.

Они ему ответили:

— Идем к тебе.

Богатыря сердце очень испугалось. Амран схватил его, об землю стукнул и в землю по пояс всадил. Теперь уже не боялся его и братьям своим кричит:

— Видели: у дверей я меч его бросил... Мне скорее его принести.

Мальчики туда пошли, вдвоем подняли и насили принесли.

У богатыря было девять голов. Восемь голов когда сняли, тогда богатырь говорит ему:

— Убить ты меня убил, но одно слово дай мне еще сказать.

Мысырби Амрану говорит:

— Вовсе шевельнуться ему не дай.

Амран говорит:

— О, мой брат, к женским разговорам чего прислушиваешься? Что он мне еще сделает? Мертвый ведь он, — и богатырю говорит:

— Скажи, что хочешь сказать.

Богатырь говорит:

— Ну, тогда: у Тандера-Тундера девушка (есть) гордая Тамара. Пока она женою тебе в руки попадет, до тех пор чтобы у тебя силы не было.

У Амрана тело задрожало, и насили еще одну голову он дорезал. От силы его на месте ничего не было больше" и т. д.

В цитированном варианте великан—девятиглавый, вслед-

ствие того, повидимому, что он сравнительно поздний. Основная же цифра, фигурирующая во всех преданиях — семь. Иамон взял жену из-за семи гор, семи рек. Девушка Даредзанти была отдана замуж тоже за семь гор и рек. Лось (в подлиннике — олень) — семирогий. Кони прядают от Амрана на семь гумен. Великан — семиглавый. На фамилию Даредзанти наложили дань семь небесных великанов. Несомненно, что эта цифра вошла в эпос в результате сильного восточного влияния. На востоке ей придается особенное значение: там считают семь морей, семь земель, семь планет, семь цветов, семь тонов музыки и семь металлов. Отсюда же семь небес, на которые восходит пророк Мухаммед.

Как Амран хотел взять в жены вдову богатырей

Донарц — походная посуда для воды.

Лиахва — река в Южной Осетии.

В сказании „Daredzanti Amyran æmæ rasuhd Tamar“ происхождения Амрана в истоках кровавого ручья сделаны так:

... „в темноте идут, и в одном месте ключевая вода падает. Руки свои подставил и напился. И соленая на вкус. Братьям говорит:

— Эта вода соленый вкус имеет. До утра должны подождать и узнать, что это такое.

— Зачем ты ждешь, Амран? Откуда узнаешь, что это? Свою дорогу будем делать.

Амран за своими решениями, как не шел... Остались там. Утром посмотрел, — и ключевая кровь течет вниз. Тогда Амран говорит:

— Мои два брата, останьтесь вы здесь, а я по следам этой крови должен взойти: интересно, что есть наверху.

Бадри умом достаточен как не был... и говорит ему:

— Силы нет у тебя Амран, и по следам этой крови ты не ходи: борьба богатырей там, и они съедят тебя.

— Нет, не могу: должен проверить. Но вы пока стойте здесь.

Бадри и Мысырби остались там, и Амран сам двинулся по следам крови. Начал итти. Дошел до вершины черной

горы, застал там одного богатыря сидящего. Богатырь ко лбу своему подставил копье. Вздремнет—и (оно) в лоб его колег, кровь льется и по склону течет вниз. Тогда Амран говорит:

— Что делаешь ты, великан? Зачем себя убиваешь? Почему не спится тебе?

— Э, свой день пролей, горная птичка. Восходящего солнца и заходящего солнца сын сестру семи великанов несет себе в жены и перед ним я сижу в засаде. Я должен ее отнять у них.

Амран ему говорит:

— Приляг. Когда будут итти, я тебя разбуджу.

— Как ты меня разбудишь, скажи мне.

— Как, как? Возьму тебя, да и встряхну.

— Я так не проснусь, горная птичка.

— А как же разбудить тебя?

— Возьми мое копье и в середину сердца кольни.

Прилег великан и задремал. Караулит Амран. В это время везут невесту. Свет и горы несут за собой. Амран, когда увидел их, взял копье и в сердце богатыря ударил. Проснулся богатырь и говорит:

— Возьми себя (держись), а не то, когда мы вступим в борьбу, то тебя куда-нибудь занесет ветер.

В это время те приблизились. Бросились они друг на друга и начали бороться. Перебили друг друга, только осталась невеста. Над сыном восходящего солнца девушка стоит и плачет. Тогда Амран подошел близко:

— О, вот хорошая девушка... Эти богатыри перебили друг друга — тебя наверное Хцау сказал (предназначил) мне.

— Меня-то бог сказал, но вот эти перебили друг друга из-за меня. Ты что-нибудь (сделай), чтобы похоронить их.

Амран взмолился Хцау:

— О, бог богов, меня сотворивший бог. Пусть семь могил окажутся одна около другой и семь богатырей схоронились бы в них" и т. д.

В. Ф. Миллер сообщает, что, „по преданиям, раньше нартов в Осетии жили уайгута и гумирита! Вероятно, в последнем названии скрывается собственное имя древнего народа киммерийцев, библейского *Gomer*, ассирийского *Gimmirrai*, греч. *Κιμμέριοι* как и в нашем кумир. Из-

вестно, что имена древних народов, иногда автохтонов, нередко принимают значение великанов (сравни наши слова: исполин, волот)“.

В современном осетинском языке значение слова *цмир* выродилось в отрицательное прозвище: тупой, грубый.

Что значит *Бак-Бак* — выяснить не удалось. *Пиллон* же значит: кипящий, бурлящий, пышущий; говорится одинаково об огне и о воде.

В. Ф. Миллером записано следующее, имеющее самостоятельное значение предание о Даредзанти („Осетинские этюды“, в. 1):

„Отец Даредзановых назывался Ростом-хан. Он был славным кузнецом. У него была красавица любовница, которая жила в Сайнаговой горе. Он ездил к ней на коне-ветре. Об этом узнала жена Ростомана и тайно поехала вместе с ним к сопернице, сев незаметно сзади на коня своего мужа. Приехав к любовнице, она убила ее. Умирая, любовница просила, чтоб ей взрезали живот, так как она беременна, и вынули ребенка. Желание ее было исполнено. Ростом вынул чудесного мальчика — Амрана — и бросил его в воду. От огорчения по случаю смерти своей возлюбленной Ростом занемог, и народы уюги и гумыры, платившие ему дань, пользуясь его болезнью, теперь отказали в ней. У Ростомана было еще два сына Бадри и Руси. Однажды он послал их на море наловить рыбы. В то время как они ловили, из воды вдруг выскочил хорошенький мальчик и стал играть на поверхности моря. Братья бросили свое дело и любовались им. Вечером, возвращаясь домой, братья рассказали отцу, что смотрели на чудесного мальчика и поэтому не наловили рыбы. Ростом догадался, что это — его сын, и приказал им поймать мальчика посредством хитрости. „Пусть один из вас, — сказал отец, — сядет на берегу, а другой бреет ему голову не вдоль, а поперек. Тогда мальчик выскочит из воды, чтоб показать, как следует брить. Постарайтесь схватить его и коснуться бритвой его головы: он пойдет за вами, и его можно будет привести домой“. Братья поступили по указанию отца, поймали мальчика и выбрили ему прядь волос. Мальчик просил какой-нибудь одежды, и они дали ему свою, но она не была ему впору и разорвалась по швам. Тогда он попросил себе отцовское платье, и оно при-

шлось ему как раз впору. Дома мальчика заперли за семью железными дверьми, чтобы он не слышал шума и криков уюгов и гумиров, пировавших и хозяйничавших в доме его отца. Но все-таки мальчик услышал шум, ударил ногою в двери, вышиб их все и выскочил наружу. Затем он бросился с мечом в руке на врагов и изрубил их всех за исключением авдсарон Пасконди (см. Пасконди), у которого уцелела одна из его семи голов. Пасконди улетел на небо. С этих пор уюги и гумиры снова стали платить дань Ростому.

Затем Амран с братьями пошел биться с зариаг Калмом. Змей проглотил его, но он распорол чудовищу брюхо ножом и выскочил из него весь облезлый, так что братья не узнали его и побежали. Он догнал их и успокоил. По возвращении домой Амран хочет разделиться с братьями и просит на свою долю Ангетское поле. Братья не согласились. Тогда Амран покидает отцовский дом и уходит неизвестно куда.

По уходе Амрана Ростом снова попал под власть уюгов и гумиров. Видя, что без Амрана ему не совладать с врагами, он приказывает сыновьям непременно его разыскать. Братья надели медную обувь, взяли железные посохи и отправились на поиски. Долго они искали напрасно и пошли, наконец, просить совета у колдуньи. „На некоем месте, — сказала она, — бьются войска Шаха и Шемаха. Ступайте туда, выройте себе яму и оттуда бросьте камень в лагерь Шаха. Тогда из середины шахова войска выскочит ваш брат Амран и бросит камень назад“. Так и случилось: Амран действительно выскочил и бросил камень обратно. Тогда братья бросились за ним, догнали его и умоляли вернуться домой, обещая ему отдать все, что он пожелает. На возвратном пути Амран отстал немножко от братьев и, вернувшись, не застал их на месте: их унес Пасконди на небо. Тогда Амран отправился на море, поймал морского быка, содрал с него шкуру и оделся в нее. Пасконди спустился с неба и утащил Амрана в свое жилище, где сидели его братья. Ночью Амран тайно дал знать братьям, что он около них, и научил их, что делать. Поутру они должны рассказать, будто видели во сне, что пришел Амран и отрезал Пасконди голову вдоль зубов. Братья исполнили наставление Амрана. Выслушав их сон, Пасконди

в гневе бросился на них, но Амран выскочил и отрубил ему голову. Забрав все ценное в жилище Пасконди и убив его мать, братья по чудесной веревке спустились на землю и вернулись домой. Амран разбил уюгов и гумиров и заставил их снова платить дань. Вскоре после этого Ростом умер, и братья похоронили его в золотой усыпальнице“.

Это предание записано В. Ф. Миллером в 80 г. в с. Са-дон, Северн. Осетии.

Амран и старуха, вышедшая из земли

Нана — мама.

Как змей проглотил Амрана

Udxassag — душеноситель. Так называют архаические осетины существо, уносящее, по поверью, души умирающих.

Чурек — лепешка.

Другое предание, тоже записанное В. Ф. Миллером, рассказывает:

„Амран, Бадри и Мысырби были три брата. Однажды они сказали: „Пойдем на добычу“. Они поехали на Тароково поле (вероятно, здесь столь часто фигурирующая в горских эпосах Тьму-Таракань, Тарковское поле, Тарки — ныне село, когда-то столица шамхальства Тарковского в Дагестане и узловой пункт торговли горцев со странами Востока. — *Дз. Г.*). Они поехали на Тароково поле, нашли много добычи, коней, скотину и начали гнать. На пути смерклось. Они нашли пещеру, вошли туда и там заночевали. Утром, когда рассвело и они осмотрелись, то сказали:

— Ведь это—человечья голова (а не пещера), и мы в ее глазную впадину вошли. Что за чудо?

Даредзанги были такие люди, что если раз бога попросят, то он исполнял то, о чем просили“ и т. д. Следует эпизод с Костяком (см. „Даредзанги и Костяк“). Далее, после того как костяк снова рассыпался, Даредзанги сказали:

— Ну, доколе с этим костяком будем сидеть? Пойдем и где-нибудь поживимся.

Пошли они и шли (вперед). Посмотрели вниз на поле и (видят) — что-то большое вытягивается и опять укорачивается. Разве не был Амран насильником и искателем битв...

— Не оставляю я без того, чтобы не посмотреть на это.

Бадри тоже был человек ему под пару; Мысырби хотя и был похуже, но все-таки с ним шел. Бадри так говорит:

— Амран, Амран. Я также тебе под пару, твоей силы и твой брат; но оставим-ка это, а не то оно нас осилит. Амран сказал:

— Никак я того не могу, чтобы этого не посмотреть.

Послушались братья Амрана и отправились. Когда они к нему приблизились, оно само бросилось на них. Смотрят — зарийский змей. Бадри сказал:

— Эх, теперь-то мы попались.

Змей проглотил Амрана и, когда он вышел из утробы змея, братья сказали:

— Чем мы ему поможем?

Впрочем, — продолжает предание, — они были Даредзаны, и у них было много счастья. Два селения нужно было им еще дальше пройти, а там был сад Ахснартаккаевых (здесь эпос о Даредзанте вплетается в другой осетинский эпос — о нартах, в котором соперничают две фамилии „Ахснартаккату и Воржату“.— Дз. Г.). В этом саду, когда они легли, три голубя сели на вершину дерева:

— Амран, Амран. Поутру к солнечному восходу, какую яблоню солнце прежде всех осветит, с той (яблони) какое самопадающее яблоко прежде всех упадет, то съешь, и тогда снова на тебе волос вырастет.

Амран утром рано встал и дрожит, как нагой, под этим деревом. Между тем с того дерева, что солнце прежде всех осветило, упало одно яблоко; Амран бросился к нему и съел его. И какой прежде был на нем волос, так лучше того волос у него вырос. Разве не было много счастья у Даредзанов?

Любопытно упоминание Зариагкамла — зарийского змея, поскольку зарождение эпоса об Амране на родине этого эпоса, в Персии, связано с именем мифического царя Зохака, именуемого „Зохака со змеями“. Из его плеч росли две змеи, которые питались человеческим мозгом.

Даредзанти и Костяк

В предании, записанном А. Кайтмазовым („Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа“, в. 7), братьям пришлось объяснить ему (Костяку) пахание, сеяние, молотбу — весь процесс приготовления хлеба. Удивленные непониманием великана, они спросили его в свою очередь, как же делалось в его время.

— Мы брали горсть земли, выжимали из нее сок и мы были сыты от сего и до сего дня (неделя).

Потом великан попросил их показать ему свою пищу. Даредзанти подали ему хлеб. Великан сжал его в правой руке, и из него потекла кровь.

Амран и Дэви

Фыр — круторогий крупный баран-производитель.

Дэви — понятие о них восходит к эпохе создания Авесты, когда существовала вера в ангелов „духа зла“ — Аримана, согласно учению Зороастра. В прямом противоречии с ним древние индусы считали их за добрых. Г. А. Халатянц (см. „Общий очерк народных армянских сказок“, сб. материалов по этнографии, изд. Дашковского этнограф. музея, в. 1) утверждает, что „на религиозные верования армян имело несомненное влияние учение Зороастра; вследствие этого, вероятно, Дэв еще в древнеармянских преданиях представляется злым духом, борющимся против всего доброго. Но в последующие эпохи это представление о злых духах—дэвах—заметно изменилось: это не дух бестелесный, бессмертный, а полудемон, получеловек, т. е. нечистый дух в образе гиганта-исполина, нередко снабженного несколькими головами“.

Соответствующие представления через Грузию, повидимому, утвердились в Осетии.

Амран и винодел

Ноговица — кожаная гамаша.

Амран и Уастырджи

Уастырджи — бог или дух, покровитель мужчин. В представлении осетин он — всадник, сидящий на белом коне, что дало повод христианским миссионерам подвести под понятие об *Уастырджи* святого Георгия.

В подтверждение В. Ф. Миллер предполагает, что „оба святые (у него речь идет об *Уацилла* и *Уастырджи*.— *Дз. Г.*) были занесены к осетинам из Грузии с проповедью христианства, но впоследствии стали народными богами. Имена *Уацилла* и *Уастырджи*, очевидно, сложены из имен *Illa* (Илия) и *Giorgi* (Георгий) и слова *uas*, *uas*, значение которого в настоящее время осетинам неизвестно...

Uacylla и *Uastyrdzy* являются в нартских сказаниях (дохристианских, по времени их составления. — *Дз. Г.*) во множественном числе: обыкновенно тех и других — по семи“.

Товарищем Г. Толасовым сообщено мне интересное дигорское предание о нарте Хамице. После охоты в компании с неизвестным мальчиком этот последний потребовал себе две доли убитых оленей, утверждая, что именно столько полагается ему как старшему, а младшему (*Хамицу*) — одна.

— Ты кто? — спросил Хамица мальчик.

— Нартовский Хамиц.

— Тогда ты — вчерашний (недавний).

И мальчик рассказывал Хамицу:

„Первым делом *Хцау* сотворил уатмаритов, но уничтожил их потому, что они были слишком злые. После них, сотворил *Хцау* гамеритов (гумиров), но они тоже оказались слишком большими и грубыми. Их уничтожил *Хцау*. После них сделал *Хцау* элиатов (иллов, ср. с *illa*). Они были очень сильные, и поэтому *Хцау* взял их к себе, и они поныне живут там. И вот, когда на земле никого не осталось, *Хцау* сделал камбидатов. Мы были слишком маленькие, но очень мужественные и поэтому не понравились *Хцау*. Моя мать была из элиатов, и я, как их племя, тоже спасся. И тогда *Хцау* сделал нартов. Я старше всех нартов на целую эпоху“.

У осетин *Уастырджи* считался богом воров, мошенников, клятвопреступников, убийц и покровителем честных

людей и домашних животных. Имя его часто произносится в клятвах и благословениях.

Тамара Красивая

Мойаг — суженый, назначенный быть мужем.

Какой петух сторожил Тамару и как инались горожане за Даредзанти

Магические слова „Тандет—Тундет—Тарандет“ в предании „Daredzanty Amyran æтæ Æхson uæig“ перешли в собственное имя отца гордой Тамары, царя Тандер-Тундэра (см. прим. к эпизоду „Как Амран потерял силу“).

Как боролся Амран с семью небесными великанами

Пакондзи согласно соответствующему примечанию В. Ф. Миллера—существо выше людей, но ниже ангелов. Он живет на небе и служит рассыльным у божества. Так объяснил В. Ф. рассказчик.

Как Амран победил Пакондзи

Матара — кожаный мешок большого объема.

Арчита — обувь вроде сандалий из воловьей кожи. Подъемная часть сделана из одного куска, а подошва сплетена из тоненьких ремешков. Они делаются значительно больше ноги и набиваются соломой, так что принимают вид небольших подушек. Весьма удобны для ходьбы по снегу и по крутым травянистым склонам, почему и используются осетинами главным образом во время покоса.

„Чтоб лучший из вашей фамилии умер. Чтоб синул ваш дом“ — проклятие, сохраняющееся и в нынешнем быту как пережиток родового строя.

Кусарт — животные, предназначенные закланию, акт заклания.

Кабиц — небольшая комната для припасов. Ключи от этой комнаты хранятся у хозяйки. В патриархальных семьях никто, кроме хозяйки, не имеет права входить в кабиц.

Плохой отнюдь не определяет нравственных качеств Мысырби. В данном случае „плохой“ — вялый, неактивный, не настоящий мужчина, не молодец.

Хист — поминальный пир.

Гибель Амрана

Уорсаджи-хох — гора в Южной Осетии.

Дзудта-Куци — легендарный охотник.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Марр.</i> К вопросу о народной овсской литературе	7
<i>В. Абаев.</i> „Даредзановские“ сказания у осетин	13
От переводчика	18

А м р а н

Рождение Амрана	23
Как братья встретили Амрана	34
Как Амран ранил Золотую Олень	38
Амран и Черный Всадник	41
Амран и Белый Всадник	43
Амран и Красный Всадник	46
Что было с Даредзанти в городе	49
Как Амран потерял силу	56
Обессиленный Амран	60
Как Амран хотел взять в жены вдову великанов	63
Амран и старуха, вышедшая из земли	71
Как змей проглотил Амрана	75
Даредзанти и Костяк	79
Амран и Дзэви	86
Амран и винодел	94
Как Амран бежал от сына Черного великана	98
Даредзанти и Сеятель	101
Как Даредзанти переправились через море	105

Амран и Уастырджи	107
Тамара Красивая	110
Амран, вернувший силу	112
Какой петух сторожил Тамару и как гнались горожане за Даредзанти	115
Как Амран убил всех врагов и как священник обманул Амрана	119
Как Тамара Красивая обманула священника . .	123
Как боролся Амран с семью небесными велика- нами	127
Как Амран победил Пакондзи	130
Гибель Амрана	139
Комментарии	145

Редактор акад. Н. Марр. Техн.
редактор Г. А. Гилас. Книга
сдана в набор 26/vi 1931 г. Под-
писана к печати 14/vii 1932 г.
№ 7. Тираж 5.250 экз. Ленингр.
Областлит № 4509.
Заказ № 439. Бумага 73×105 см.
Печ. л. 5¹/₄ 40.000 тип. знаков
в 1 печати. листе. Типография
ОГИЗ им. Ивана Федорова. Ле-
нинград, Звенигородская, № 11

